

ЯКОВ ГРИММ
ВИЛЬГЕЛЬМ ГРИММ

САМЫЕ СТРАШНЫЕ СКАЗКИ
БРАТЬЕВ ГРИММ

РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

Родительское собрание

Якоб и Вильгельм Гримм

**Самые страшные
сказки Братьев Гримм**

«Алисторус»

УДК 82-94
ББК 85.374

Гримм Я.

Самые страшные сказки Братьев Гримм / Я. Гримм —
«Алисторус», — (Родительское собрание)

ISBN 978-5-00180-829-9

Бременские музыканты, волк и семеро козлят, злая ведьма в пряничном домике - эти сказочные образы пришли к нам из детства. Однако погрузившись в мир старонемецкого фольклора, старательно собранного братьями Гримм, читатель обнаружит что это не такие уж сказки. И уж точно - совершенно не детские. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 85.374

ISBN 978-5-00180-829-9

© Гримм Я.
© Алисторус

Содержание

Сказка о том, кто ходил страху учиться	6
Волк и семеро маленьких козлят	14
Удачная торговля	17
Двенадцать братьев	21
Сброд оборванцев	27
Братец и сестрица	30
Колокольчик	35
Гензель и Гретель	39
Три змеиных листика	46
О рыбаке и его жене	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Вильгельм Гримм, Яков Гримм Самые страшные сказки

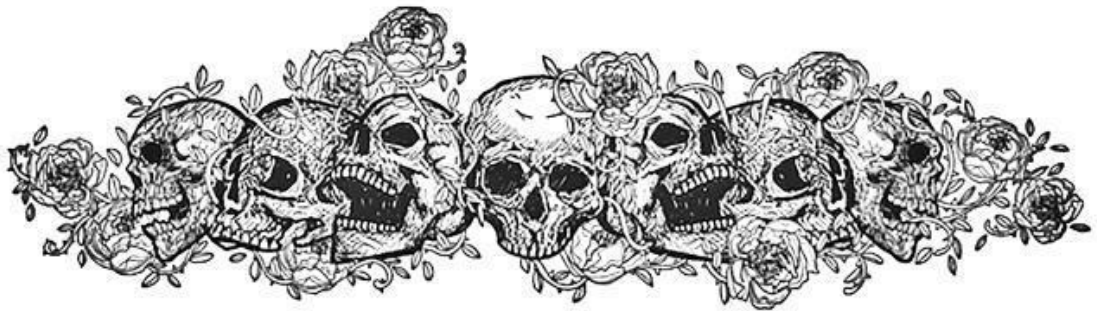
РОДИТЕЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

© Гримм В., Гримм Я., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Сказка о том, кто ходил страху учиться

Один отец жил с двумя сыновьями. Старший был умен, сметлив, и всякое дело у него спорилось в руках, а младший был глуп, непонятлив и ничему научиться не мог.

Люди говорили, глядя на него: «С этим отец еще не оберется хлопот!»

Когда нужно было сделать что-нибудь, все должен был один старший работать; но зато он был робок, и когда его отец за чем-нибудь посылал позднею порой, особливо ночью, и если к тому же дорога проходила мимо кладбища или иного страшного места, он отвечал: «Ах, нет, батюшка, не пойду я туда! Уж очень боязно мне».

Порой, когда вечером у камелька шли рассказы, от которых мороз по коже продирали, слушатели восклицали: «Ах, страсти какие!» А младший слушал, сидя в своем углу, и никак понять не мог, что это значило: «Вот затвердили-то: страшно да страшно! А мне вот ни капельки не страшно! И вовсе я не умею бояться. Должно быть, это также одна из тех премудростей, в которых я ничего не смыслю».

Однажды сказал ему отец: «Послушай-ка, ты, там, в углу! Ты растешь и силы набираешься: надо ж и тебе научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы добывать себе хлеб насущный. Видишь, как трудится твой брат; а тебя, право, даром хлебом кормить приходится». – «Эх, батюшка! – отвечал тот. – Очень бы хотел я научиться чему-нибудь. Да уж коли на то пошло, очень хотелось бы мне научиться страху: я ведь совсем не умею бояться».

Старший брат расхохотался, услышав такие речи, и подумал про себя: «Господи милостивый! Ну и дурень же брат у меня! Ничего путного из него не выйдет. Кто хочет крюком быть, тот заранее спину гни!»

Отец вздохнул и отвечал: «Страху-то ты еще непременно научишься, да хлеба-то себе этим не заработаешь».

Вскоре после того зашел к ним в гости дьячок, и стал ему старик жаловаться на свое горе: не приспособился-де сын его ни к какому делу, ничего не знает и ничему не учится. «Ну, подумайте только: когда я спросил его, чем он станет хлеб себе зарабатывать, он ответил, что очень хотел бы научиться страху!» – «Коли за этим только дело стало, – отвечал дьячок, – так я берусь обучить его. Пришлите-ка его ко мне. Я его живо обработаю».

Отец был этим доволен в надежде, что малого хоть сколько-нибудь обломают.

Итак, дьячок взял к себе парня домой и поручил ему звонить в колокол.

Дня через два разбудил он его в полночь, велел ему встать, взойти на колокольню и звонить; а сам думает: «Ну, научишься же ты нынче страху!»

Пробрался тихонько вперед, и когда парень, поднявшись наверх, обернулся, чтобы взяться за веревку от колокола, перед ним на лестнице против слухового окна очутился кто-то в белом.

Он крикнул: «Кто там? – Но тот не отвечал и не шевелился. – Эй, отвечай-ка! – закричал снова паренек. – Или убирайся подобру-поздорову! Нечего тебе здесь ночью делать».

Но дьячок стоял неподвижно, чтобы парень принял его за привидение.

Опять обратился к нему парень: «Чего тебе нужно здесь? Отвечай, если ты честный мальчик; а не то я тебя сброшу с лестницы!»

Дьячок подумал: «Ну, это ты, братец мой, только так говоришь», – и не проронил ни звука, стоял, словно каменный.

И в четвертый раз крикнул ему парень, но опять не добился ответа. Тогда он бросился на привидение и столкнул его с лестницы так, что, пересчитав десяток ступеней, оно растянулось в углу.

А парень отзвонил себе, пришел домой, лег, не говоря ни слова, в постель и заснул.

Долго ждала дьячиха своего мужа, но тот все не приходил. Наконец ей страшно стало, она разбудила парня и спросила: «Не знаешь ли, где мой муж? Он ведь только что перед тобой взошел на колокольню». – «Нет, – отвечал тот, – а вот на лестнице против слухового окна стоял кто-то, и так как он не хотел ни отвечать мне, ни убираться, я принял его за мошенника и спустил его с лестницы. Подите-ка взгляните, не он ли это был. Мне было бы жалко, если бы что плохое с ним стряслось». Бросилась туда дьячиха и увидела мужа: сломал ногу, лежит в углу и стонет.

Она перенесла его домой и поспешила с громкими криками к отцу парня: «Ваш сын натворил беду великую: моего мужа сбросил с лестницы, так что сердечный ногу сломал. Возьмите вы негодя из нашего дома!»

Испугался отец, прибежал к сыну и выбралил его: «Что за проказы богомерзкие! Али тебя лукавый попутал?» – «Ах, батюшка, только выслушайте меня! – отвечал тот. – Я совсем не виноват. Он стоял там, в темноте, словно зло какое умышлял. Я не знал, кто это, и четырежды уговаривал его ответить мне или уйти». – «Ах, – возразил отец, – от тебя мне одни напасти! Убирайся ты с глаз моих, видеть я тебя не хочу!» – «Воля ваша, батюшка, ладно! Подождите только до рассвета: я уйду себе, стану обучаться страху; авось, узнаю хоть одну науку, которая меня прокормит». – «Учись чему хочешь, мне все равно, – сказал отец. – Вот тебе пятьдесят талеров, ступай с ними на все четыре стороны и никому не смей сказывать, откуда ты родом и кто твой отец, чтобы меня не срамить». – «Извольте, батюшка, если ничего больше от меня не требуется, все будет по-вашему. Это я легко могу соблюсти».

На рассвете положил парень пятьдесят талеров в карман и вышел на большую дорогу, бормоча про себя: «Хоть бы на меня страх напал! Хоть бы на меня страх напал!»

Подошел к нему какой-то человек, услышавший эти речи, и стали они вместе продолжать путь.

Вскоре завидели они виселицу, и сказал ему спутник: «Видишь, вон там стоит дерево, на котором семеро с веревочной петлей спознались, а теперь летать учатся. Садись под тем деревом и жди ночи – не оберешься страху!» – «Ну, коли только в этом дело, – отвечал парень, – так оно не трудно. Если я так скоро научусь страху, то тебе достанутся мои пятьдесят талеров: приходи только завтра рано утром сюда ко мне».

Затем подошел к виселице, сел под нею и дождался там вечера. Ему стало холодно, и он развел костер, но к полуночи так посвежел ветер, что парень и при огне никак не мог согреться.

Ветер раскачивал трупы повешенных, они стучались друг о друга. И подумал парень: «Мне холодно даже здесь, у огня, – каково же им мерзнуть и мотаться там наверху?»

И, так как сердце у него было сострадающее, он приставил лестницу, влез наверх, отвязал висельников одного за другим и спустил всех семерых наземь. Затем он раздул хорошенько огонь и рассажал их всех кругом, чтобы они могли согреться.

Но они сидели неподвижно, так что пламя стало охватывать их одежды. Он сказал им: «Эй, вы, берегитесь! А не то я вас опять повешу!» Но мертвецы ничего не слышали, молчали и не мешали гореть своим лохмотьям.

Тут он рассердился: «Ну, если вы остерегаться не хотите, то я вам не помощник, а мне вовсе не хочется сгореть вместе с вами». И он снова повесил их на прежнее место. Потом он подсел к своему костру и заснул.

Поутру пришел к нему встреченный человек за деньгами и спросил: «Ну что, небось, знаешь теперь, каков страх бывает?» – «Нет, – отвечал тот, – откуда же было мне узнать это? Эти ребята, что там наверху болтаются, даже рта не открывали и так глупы, что позволили гореть на теле своим лохмотьям».

Тут увидел прохожий, что пятьдесят талеров ему на этот раз не придется получить, и сказал, уходя: «Таких я еще не видел!»

Парень тоже пошел своей дорогой, бормоча по-прежнему: «Ах, если б меня страх пробрал!»

Услыхал это извозчик, ехавший позади него, и спросил: «Кто ты таков?» – «Не знаю», – отвечал малый. А извозчик продолжал: «Откуда ты?» – «Не знаю». – «Да кто твой отец?» – «Не смею сказать». – «Что такое бормочешь ты себе под нос?» – «Я, видишь ли, хотел бы, чтобы меня страх пробрал, да никто меня не может страху научить», – отвечал парень. «Не мели вздора! – сказал извозчик. – Ну-ка, отправимся со мною: я тебя как раз к месту пристрою».

Парень отправился с ним, и к вечеру прибыли они в гостиницу, где собирались заночевать.

Входя в комнату, парень снова произнес вслух: «Кабы меня только страх пробрал! Эх, кабы меня только страх пробрал!»

Услыхав это, хозяин засмеялся и сказал: «Если уж такова твоя охота, то здесь найдется к тому подходящий случай». – «Ах, замолчи! – прервала его хозяйка. – Сколько безумных смельчаков поплатились уже за это жизнью! Было бы очень жаль, если бы и этот добрый юноша перестал глядеть на белый свет».

Но парень сказал: «Как бы ни было оно тягостно, все же я хочу научиться страху: ведь я для этого и пустился в путь-дорогу».

Не давал он покоя хозяину, пока тот не рассказал ему, что невдалеке находится заколдованный замок, где немудрено страху научиться, если только там провести ночи три. И король-де обещал дочь свою в жены тому, кто на это отважится, а уж королева-то краше всех на свете. В замке же охраняются злыми духами несметные сокровища. Если кто-нибудь в том замке проведет три ночи, то эти сокровища ему достанутся, и любой бедняк ими обогатится. Много молодых людей ходили туда счастья попытать, да ни один не вернулся.

На другое утро явился парень к королю и говорит ему: «Кабы мне дозволено было, я провел бы три ночи в заколдованном замке». Король взглянул на парня, и тот ему так приглянулся, что он сказал: «Ты можешь при этом избрать себе три предмета, но непременно неодушевленных, и захватить их с собою в замок».

Парень отвечал: «Ну, так я попрошу себе огня, столярный станок и токарный станок вместе с резцом». Король велел еще засветло снести ему все это в замок. К ночи пошел туда парень, развел яркий огонь в одной из комнат, поставил рядом с собою столярный станок с резцом, а сам сел за токарный.

«Эх, кабы меня только страх пробрал! – сказал он. – Да видно, я и здесь не научусь ему».

Около полуночи вздумал он еще пуще разжечь свой костер и стал раздувать пламя, как вдруг из одного угла послышалось: «Мяу, мяу! Как нам холодно!» – «Чего орете, дурачье?! – закричал он. – Если вам холодно, идите, садитесь к огню и грейтесь».

Едва успел он это произнести, как две большие черные кошки быстрым прыжком подскочили к нему, сели по обеим его сторонам и уставились дико на него своими огненными глазами.

Немного погодя, отогревшись, они сказали: «Приятель! Не сыграем ли мы в карты?» – «Отчего же? – отвечал он. – Я не прочь; но сперва покажите-ка мне ваши лапы. – Они вытянули свои когти. – Э! – сказал парень. – Коготки у вас больно длинные! Погодите, я должен вам их сперва обстричь».

С этими словами схватил он кошек за загривок, поднял их на столярный станок и крепко стиснул в нем их лапы. «Увидел я ваши пальцы, – сказал он, – и прошла у меня всякая охота в карты играть». Он убил их и выбросил из окна в пруд.

Но когда он, покончив с этой парой, хотел опять подсесть к своему огню, отовсюду, из каждого угла, повыскочили черные кошки и черные собаки на раскаленных цепях – и все прибывало да прибывало их, так что ему уж некуда было от них деваться.

Они страшно ревели, наступали на огонь, разбрасывали дрова и собирались совсем разметать костер.

Поглядел он с минуту спокойно на их возню, а когда ему невтерпеж стало, он взял свой резец и закричал: «Брысь, нечисть окаянная!» – и бросился на них.

Одни разбежались; других он перебил и побросал в пруд. Вернувшись, он снова раздул огонь и стал греться. Сидел он, сидел – и глаза стали слипаться, стало его клонить ко сну. Оглядевшись кругом и увидав в углу большую кровать, он сказал: «А, вот это как раз кстати!» – и лег.

Но не успел он и глаз сомкнуть, как вдруг кровать сама собой стала двигаться и покатила по всему замку.

«Вот это ладно! – сказал он. – Да нельзя ли поживей? Трогай!» Тут понеслась кровать, точно в нее шестерик впрягли, во всю прыть, через пороги, по ступенькам вверх и вниз...

Но вдруг – гоп, гоп! – кровать опрокинулась вверх ножками и на парня словно гора налегла.

Но он пошвырял с себя одеяла и подушки, вылез из-под кровати и сказал: «Ну, будет с меня! Пусть катается, кто хочет!» Затем он улегся у огня и проспал до бела дня.

Полутру пришел король и, увидав его распростертым на земле, подумал, что привидения убили его и он лежит мертвый. «Жаль доброго юношу!» – сказал король.

Услыхал это парень, вскочил и ответил: «Ну, до беды еще не дошло!»

Удивился король, обрадовался и спросил, каково ему было. «Превосходно, – отвечал тот, – вот уже минула одна ночь, а там и две другие пройдут».

Пошел парень к хозяину гостиницы, а тот и глаза таращит: «Не думал я увидеть тебя в живых. Ну что, научился ли ты страху?» – «Какое там! – отвечал парень. – Все напрасно! Хоть бы кто-нибудь надоумил меня».

На вторую ночь пошел он спать в древний замок, сел у огня и затянул свою старую песенку: «Хоть бы страх меня пробрал!» Около полуночи поднялся там шум и гам, сперва потише, а потом все громче и громче; затем опять все смолкло на минуту, и наконец из трубы к ногам парня вывалилось с громким криком полчеловека. «Эй! – закричал юноша. – Надо бы еще половинку! Этой маловато будет».

Тут снова гомон поднялся, послышался топот и вой – и другая половина тоже выпала. «Погоди, – сказал парень, – вот я для тебя огонь маленько раздую!»

Сделав это и оглянувшись, он увидел, что обе половины успели срастись – и на его месте сидел уже страшный-престрашный человек. «Это, брат, непорядок! – сказал парень. – Скамейка-то моя!»

Страшный человек хотел его оттолкнуть, но парень не поддался, сильно двинул его, толкнул со скамьи и сел опять на свое место.

Тогда сверху нападало один за другим еще множество людей. Они достали девять мертвых ног и две мертвые головы, расставили эти ноги и стали играть, как в кегли.

Парню тоже захотелось поиграть. «Эй, вы, послушайте! – попросил он их. – Можно ли мне присоединиться к вам?» – «Можно, коли деньги у тебя есть». – «Денег-то хватает, да шары ваши не больно круглы».

Взял он мертвые головы, положил их на токарный станок и обточил их кругом. «Вот так, – сказал он, – теперь они лучше кататься будут. Валяйте! Теперь пойдет потеха!»

Поиграл парень с незваными гостями и проиграл немного; но как только пробила полночь, все исчезло. Он улегся и спокойно заснул.

Наутро пришел король осведомиться: «Ну, что с тобой творилось на этот раз?» – «Проиграл в кегли, два талера проиграл!» – «Да разве тебе не было страшно?!» – «Ну, вот еще! – отвечал парень. – Позабавился, и только. Хоть бы мне узнать, что такое страх!»

На третью ночь сел он опять на свою скамью и сказал с досадой: «Ах, если бы только пробрал меня страх!»

Немного погодя явились шестеро рослых ребят с гробом в руках. «Эге-ге, – сказал парень, – да это, наверное, братец мой двоюродный, умерший два года назад! – Он поманил пальцем и крикнул: – Ну, поди, поди сюда, братец!»

Гроб был поставлен на пол, парень подошел и снял крышку: в гробу лежал мертвец. Дотронулся парень до его лица: оно было холодное, как лед. «Погоди, – сказал он, – я тебя маленько согрею!»

Подошел к огню, погрел руку и приложил ее к лицу мертвеца, но тот был холоден по-прежнему.

Тогда он вынул его из гроба, сел к огню, положил покойника себе на колени и стал тереть ему руки, чтобы восстановить кровообращение.

Когда и это не помогло, пришло ему в голову, что согреться можно хорошо, если вдвоем лечь в постель; перенес он мертвеца на свою кровать, накрыл его и лег рядом с ним.

Немного спустя покойник согрелся и зашевелился. «Вот видишь, братец, – сказал парень, – я и отогрел тебя».

Но мертвец вдруг поднялся и завопил: «А! Теперь я задушу тебя!» – «Что? Задушишь?! Так вот какова твоя благодарность?! Полезай же опять в свой гроб!»

И парень поднял мертвеца, бросил его в гроб и закрыл его крышкой; тогда вошли те же шестеро носильщиков и унесли гроб.

«Не пробирает меня страх, да и все тут! – сказал парень. – Здесь я страху вовеки не научусь!»

Тут вошел человек еще громаднее всех прочих и на вид совершенное страшилище: это был старик с длинной белой бородой.

«Ах ты, тварь этакая! – закричал он. – Теперь-то ты скоро узнаешь, что такое страх: готовься к смерти!» – «Ну, не очень спеши! – отвечал парень. – Коли мне умирать приходится, так без меня дело не обойдется». – «Тебя-то уж я прихвачу с собою!» – сказала чудовище. «Потише, потише! Очень уж ты расхотелся! Я ведь тоже не слабее тебя, а то еще и посильнее буду!» – «Это мы еще посмотрим! – сказал старик. – Если ты окажешься сильнее меня, так я тебя отпущу; пойдём-ка, попытаем силу!»

И повел он парня темными переходами в кузницу, взял топор и вбил одним ударом наковальню в землю.

«Эка невидаль! Я могу и получше этого сделать!» – сказал парень и подошел к другой наковальне.

Старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколол одним ударом наковальню и зажег в нее бороду старика. «Ну, теперь ты, брат, попался! – сказал он. – Теперь тебе помирать придется!»

Взял он железный прут и стал им потчевать старика, пока тот не заверещал и не взмолился о пощаде, обещая дать ему за это превеликие богатства.

Парень вытащил топор из щели и освободил старика. Повел его старик обратно в замок, показал ему в одном из погребов три сундука, наполненных золотом, и сказал: «Одна треть принадлежит бедным, другая – королю, третья – тебе».

В это время пробил полночь, и парень остался один в темноте. «Как-нибудь да выберусь отсюда», – сказал он, на ощупь отыскал дорогу в свою комнату и заснул там у огня.

Наутро пришел король и спросил: «Что же теперь-то, небось, научился ты страху?» – «Нет, – отвечал тот, – и ведать не ведаю, что такое страх. Побывал тут мой покойный двоюродный брат, да бородач какой-то приходил и показал мне там внизу кучу денег, а страху меня никто не научил».

И сказал тогда король: «Спасибо тебе! Избавил ты замок от нечистой силы. Бери же себе мою дочь в жены!» – «Все это очень хорошо, – отвечал тот, – а все-таки до сих пор я не знаю, что значит дрожать от страха!»

Золото достали из подземелья, отпраздновали свадьбу, но супруг королевны, как не любил свою супругу и как не был всем доволен, все повторял: «Ах, если бы только пробрал меня страх! Кабы страх меня пробрал!»

Это наконец раздосадовало молодую. Горничная же ее сказала королевне: «Я пособлю горю! Небось, научится и он дрожать от страха».

Она пошла к ручью, протекавшему через сад, и набрала полное ведро пескарей.

«...Старик стал подле него, любопытствуя посмотреть, и белая борода его свесилась над наковальней. Тогда парень схватил топор, расколол одним ударом наковальню и защемил в нее бороду старика...»

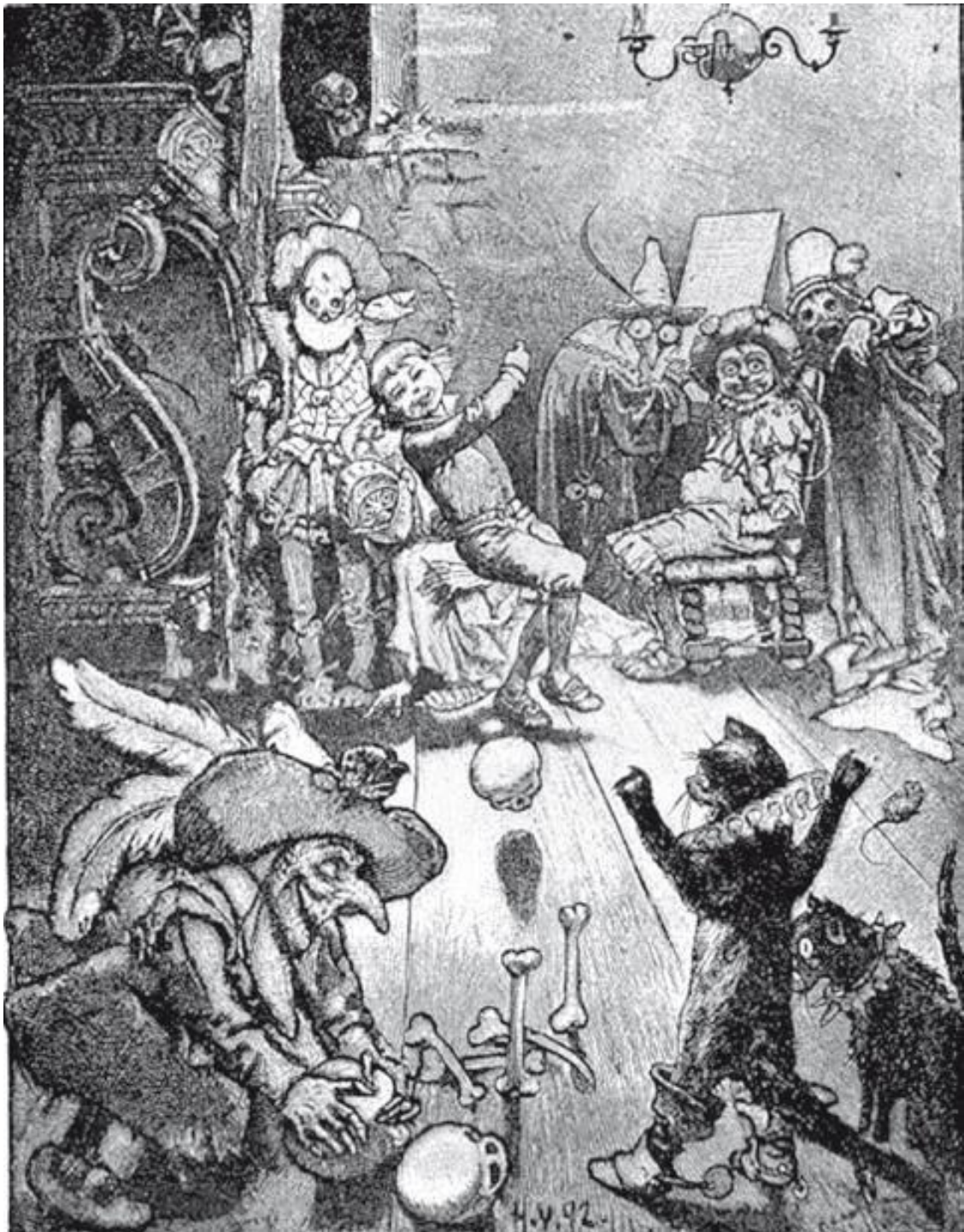

Сказка о том, кто ходил страху учиться»

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвбер. 1892 г.

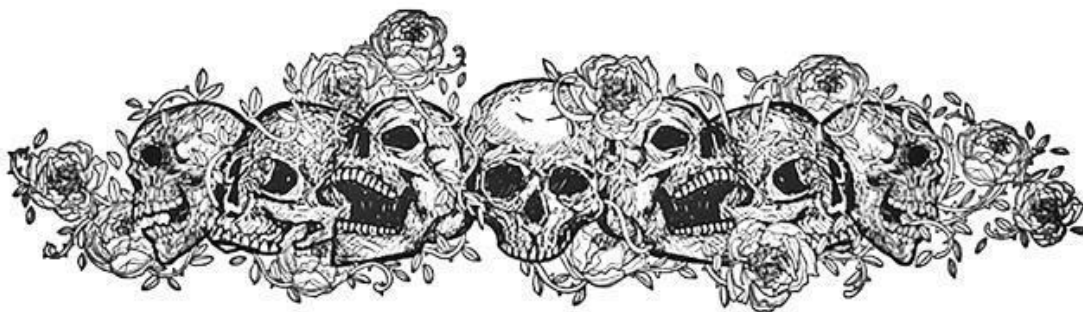
Ночью, когда молодой король почивал, супруга сдернула с него одеяло и вылила на него целое ведро холодной воды с пескочьями, которые так и запрыгали вокруг него.

Проснулся тут молодой и закричал: «Ой, страшно мне, страшно мне, женушка милая! Да! Теперь я знаю, что значит дрожать от страха!»

«Сказка о том, кто ходил страху учиться. Вторая ночь в замке»
Художник – Герман Фогель. 1894 г.

Волк и семеро маленьких козлят

Жила-была старая коза, и было у нее семь козляток, и она их любила, как всякая мать своих деток любит.

Однажды пришлось ей в лес собираться за кормом, и вот она созвала всех своих козляток и сказала: «Милые детки, надо мне в лесу побывать, так вы без меня берегитесь волка! Ведь он, если сюда попадет, съест вас всех и со шкурой, и с шерстью. Этот злодей часто прикидывается, будто он и не волк, но вы его сейчас узнаете по грубому голосу и по его черным лапам».

Козлятки отвечали: «Милая матушка, уж мы поостережемся, и вы можете идти, о нас не тревожься».

Тогда старая коза заблеяла и преспокойно тронулась в путь. Немного прошло времени после ее ухода, как уж кто-то постучался в дверь их домика и крикнул: «Отомкнитесь, милые детушки, ваша мать пришла и каждому из вас по гостинцу принесла».

Но козляточки по грубому голосу поняли, что это пришел к ним волк, и крикнули ему: «Не отомкнемся мы, ты не наша мать! У той голосок тонкий, ласковый, а у тебя голос грубый! Ты – волк!»

Тогда волк сбегал к лавочнику, купил у него большой кусок мела, съел его – и голос стал у него тоненький.

Вернулся опять к той же двери, постучал в нее и крикнул: «Отомкнитесь, милые детки, ваша мать пришла, всем вам по гостинцу принесла».

Но он оперся своими черными лапами о подоконник, дети это увидели и закричали: «Не отомкнемся, у нашей матери не черные лапы, как у тебя! Ты – волк!»

Тогда волк побежал к пекарю и сказал: «Я себе повредил ногу, вымажь мне ее тестом». И когда пекарь исполнил его желание, волк побежал к мельнику и сказал: «Осыпь мне лапы белой мулкой».

Мельник подумал: «Верно, волк затеял какую-то плутню», – и стал было отговариваться, но волк сказал: «Если ты этого не сделаешь, то я тебя съем».

Тогда мельник струхнул и выбелил ему лапу мучицей. Таковы-то бывают люди!

Вот и пошел злодей в третий раз к той же двери, постучался и сказал: «Отомкнитесь, детушки, ваша милая матушка воротилась и каждому из вас принесла по гостинчику из леса».

Козляточки закричали: «Сначала покажи нам, какая у тебя лапа, чтобы мы могли знать, точно ли ты наша милая матушка!»

Тогда показал он им лапу в окошко, и когда они увидели, что она белая, то поверили его речам и отомкнули дверь. А вошел-то – волк!

Козляточки перепугались – прятаться пометались. Один прыгнул под стол, другой забился в постель, третий залез в печку, четвертый убежал на кухню, пятый спрятался в шкаф, шестой – под корыто, седьмой – в футляр для часовых гирь. Однако же волк всех их разыскал и очень с ними не чинился: одного за другим заглохнул он своею пастью и только младшего никак не мог найти в часовом футляре.

Накушавшись досыта, он преспокойно убрался из дома, растянулся на большом лугу под деревом и начал засыпать.

Вскоре после того вернулась старая коза из лесу домой. Ах, что она там увидела! Домовая дверь открыта настежь: стулья, скамейки опрокинуты, корыто в щепы разбито, одеяло и подушки из постели повыбросаны.

Стала она искать своих деток, но нигде их найти не могла. Стала она их переключать по именам, но никто не откликнулся.

Наконец, когда она дошла до младшего, тоненький голосок прокричал ей: «Милая матушка, я забился в часовой футляр».

Она тотчас добыла оттуда свое дитя и услышала рассказ о том, как приходил волк и сожрал всех остальных козлят. Можете себе представить, как она оплакивала своих бедных детушек!

Наконец старая коза в великой печали своей пошла из дому, и младший козленочек побежал за ней следом. Чуть только они вышли на луг, коза увидела, что волк лежит вразтяжку у дерева и так храпит, что над ним ветви от его храпа колышутся.

Коза обошла и осмотрела его со всех сторон, и увидела, что в его раздутом брюхе что-то шевелится. «Ах, Господи, – подумала она, – уж не мои ли это бедные детки? Он ими поужинал, а они, видно, живехоньки».

Тогда она отправила козленочка домой за ножницами, иглой и ниткой.

Затем она взрезала чудовищу утробу и чуть только взрезала – один козленочек уж высунул оттуда головенку; а как стала резать дальше, то все шестеро козлят выпрыгнули один за другим из волчьей утробы, и все были живехоньки и целехоньки, потому что чудовище в своей алчности глотало их целиком.

То-то была радость! И стали они ласкаться к своей матушке и приплясывать около нее, словно портной на свадьбе.

А старая коза сказала: «Теперь ступайте, соберите мне побольше булыжников, мы их навалим этому проклятому зверине в утробу, пока он спит».

Семеро козляточек поспешно натаскали булыжников и набили их в утробу волка, сколько влезло. А старая коза еще того скорее зашила ему разрез, так что он ничего не приметил и даже не пошевелился.

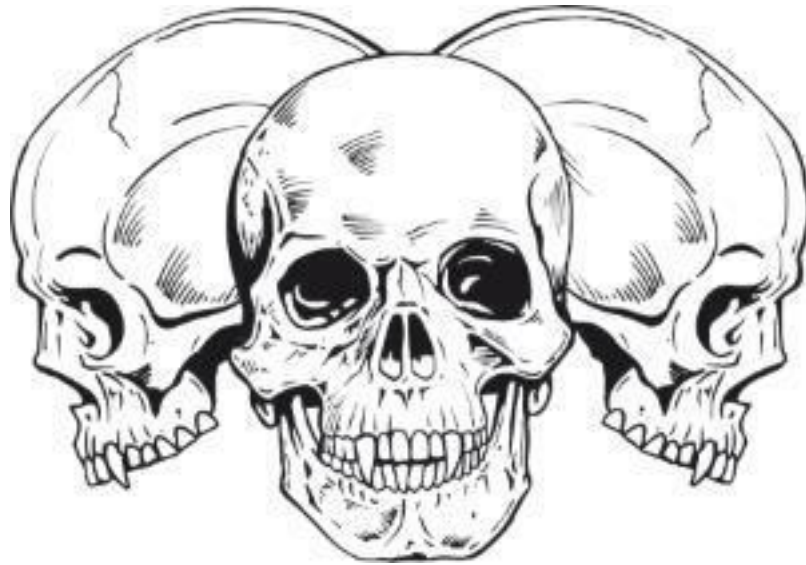
Когда же наконец волк выпался, он поднялся на ноги, и так как каменный груз возбуждал у него в желудке сильную жажду, то вздумал он пробраться к ключу и напиться. Но чуть только переступил он несколько шагов, камни стали у него в брюхе постукивать друг о друга и позвякивать один о другой. Тогда он воскликнул:

Что там рокошет, что там грохочет,
Что оттянуло утробу мне?
Думал я, это шесть козлят,
Слышу теперь – там камни гремят!

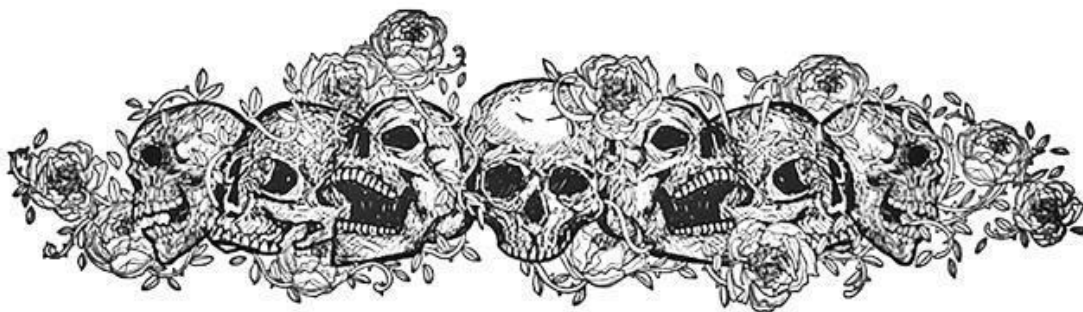
И когда он пришел к ключу и наклонился к воде, собираясь пить, тяжелые камни его перетянули, он упал в воду и погиб злою смертью.

А семеро козляточек, увидав это, прибежали к матери с криком: «Волк издох! Волк утопился!»

И вместе с матерью радостно заплясали около ключа.

Удачная торговля

Однажды мужик сташил свою корову на базар и продал ее там за семь талеров.

На обратном пути он должен был проходить мимо одного пруда, из которого далеко кругом разносилось кваканье лягушек: «Ква, ква, ква, ква!» – «Ну да, – стал он говорить сам себе, – мелют по-пустому: семь талеров я выручил, а не два!»

Подойдя к самой воде, он и лягушкам крикнул: «Глупое вы зверье! Небось лучше меня знаете? Семь талеров, а не два!»

А лягушки-то все на своем: «Ква, ква, ква!» – «Ну, коли вы не верите, так я вам сочту».

Вытащил деньги из карманов и пересчитал все семь талеров, раскладывая по двадцать четыре гроша на каждый.

Однако же лягушки не сошлись с ним в счете и опять тянули ту же песню: «Ква, ква, ква!»

«Коли так, – крикнул мужик, разгневавшись, – коли вы полагаете, что знаете дело лучше меня, так нате же, считайте сами!» – и швырнул им деньги всей кучей в воду.

Он постоял на берегу некоторое время и намерен был обождать, пока они справятся со счетом и возвратят ему деньги, но лягушки настаивали на своем, продолжая по-прежнему голосить: «Ква, ква, ква», – да и денег тоже ему не возвращали.

Подождал он еще немало времени, пока не наступил вечер и не понадобилось ему идти домой; тогда он выругал лягушек и крикнул им: «Ах, вы, водошлепницы! Ах, вы, толстоголовые, пучеглазые! Рыло-то у вас широко, и кричать вы горазды, так что от вас в ушах трещит, а семи талеров пересчитать не умеете! Или вы думаете, что так я вот тут буду стоять и дожидаться, пока вы со счетом справитесь?»

И пошел прочь от пруда, а лягушки-то ему вслед: «Ква, ква, ква», – так что он и домой пришел раздосадованный.

Сколько-то времени спустя выторговал он себе корову, заколол ее и стал рассчитывать, что если бы ему удалось выгодно продать ее мясо, он бы столько выручил за него, сколько стоили ему обе коровы, да еще шкура у него в барышах бы осталась.

Когда он с мясом подъезжал к городу, то перед самыми городскими воротами наткнулся на целую стаю собак, сбежавшихся сюда. И впереди всех огромная борзая; так и прыгает около мяса, и разнохивает, и лает: «Дай, дай, дай!»

Так как она все прыгала и все лаяла, то мужик и сказал ей: «Ну, да! Вижу я, что ты недаром говоришь: дай, дай, а потому что говядинки хочешь... Ну, хорош же я был бы, кабы точно взял да и отдал бы тебе говядину!»

А борзая все то же: «Дай, дай». – «Да ты скажи мне: ты ее не сожрешь сама, и за товарищей своих ответишь?» – «Дай, дай», – лаяла по-прежнему собака. «Ну, коли ты на этом

настаиваешь, так я тебе говядину оставлю; я тебя знаю и знаю, у кого ты служишь; но я тебя предупреждаю: через три дня чтобы мне были готовы деньги, не то тебе плохо придется: ты можешь их мне и сюда вынести».

Затем он свалил говядину и повернул домой; собаки тотчас на нее набросились с громким лаем: «Дай, дай!»

Мужик, издали прислушиваясь к этому лаю, сказал себе:

«Ишь, теперь все от нее своей доли требуют; ну, да мне за всех одна эта большая ответит».

Когда минуло три дня, мужик подумал: «Сегодня вечером у меня деньги в кармане», – и очень был этим доволен. Однако же никто не приходил и денег не выплачивал. «Ни на кого-то теперь положиться нельзя», – сказал он наконец, потеряв терпение, пошел в город к мяснику и стал от него требовать своих денег.

Мясник сначала думал, что он с ним шутки шутит, но мужик сказал: «Шутки в сторону: мне деньги нужны! Разве ваша большая собака три дня назад не приволокла сюда моей битой коровы?» Тогда мясник разозлился, ухватился за метловище и выгнал его вон. «Погоди ужо! – сказал мужик. – Есть еще справедливость на свете!» – и пошел в королевский замок, и выпросил себе у короля аудиенцию.

Привели его к королю, который сидел рядом со своею дочерью, и тот спросил его, какой ему ущерб учинился.

«Ах, – сказал мужик, – лягушки и собаки у меня отняли мою собственность, а резник меня же за это палкой попотчевал», – и подробно рассказал, как было дело.

Королева, услышав его рассказ, не выдержала – расхохоталась громко, и король сказал ему: «Рассудить твоего дела я не могу; но зато ты можешь взять дочь мою себе в жены; она еще отродясь не смеялась, только вот сегодня ты ее рассмешил, а я обещал ее тому в жены, кто сумеет ее рассмешить. Ну, вот и благодари Бога за свое счастье!» – «О, да я вовсе и не желаю на ней жениться! – отвечал мужик. – У меня дома уж есть одна жена, да и ту одну мне девать некуда. Если я на твоей дочке женюсь да домой вернусь, так что же мне – по уголкам их, что ли, расставлять прикажешь?»

Тут король не на шутку прогневался и сказал: «Ты грубиян!» – «Ах, господин король! – возразил мужик. – Вестимое дело: на свинке не шелк, а щетинки!» – «Ладно, ладно, – отвечал король, – я тебе другую награду назначу. Теперь проваливай, а денька через три возвращайся, тогда тебе все пятьсот отсыпят сполна».

Когда мужик стал выходить из замка, один из стражи королевской сказал ему: «Ты королеву нашу рассмешил, так уж, верно, получишь за это хорошую награду». – «Кажись, что не без того, – отвечал мужик. – Пять сотен мне будут выплачены». – «Слышь-ка, мужик! – сказал солдат. – Удели мне малую толику. Ну, куда тебе такая уйма денег!» – «Ну, разве уж для тебя – куда ни шло! Получай двести! Так-таки заявись к королю денька через три и прикажи тебе именно столько выплатить».

Еврей-ростовщик, случившийся поблизости и подслушавший их разговор, побежал за мужиком вслед, ухватил его за полу платья и говорит: «Ай-ай-ай, что вы за счастливец такой! Я вам деньги разменяю, я вам их мелочью выплачу, куда вам с этими битыми талерами возиться?» – «Мойше, – сказал мужик, – триста еще есть на твою долю, только заплати их мне сейчас мелкой монетой: дня через три король тебе их уплатит».

Ростовщик обрадовался барышу и выплатил мужику всю сумму стертymi слепыми грошами – такими, что три гроша двух хороших не стоят.

По прошествии трех дней мужик согласно приказу короля явился пред его ясные очи.

«Ну, снимай с него платье долой, – сказал король, – он должен получить свои пять сотен сполна». – «Ах, – сказал мужик, – эти пять сотен уже не принадлежат мне: две сотни подарил я солдату вашей стражи, а за три сотни ростовщик уже уплатил мне мелочью – так по справедливости мне уж ничего получать не следует».

И точно: явились к королю и солдат, и еврей-ростовщик и стали требовать своей доли в награде мужика, и получили надлежащее количество ударов. Солдату это было дело знакомое, и он вынес свою порцию ударов терпеливо; а ростовщик все время жалобно кричал: «Ай, вей мир! Ай, какие крепкие талеры!»

Король, конечно, посмеялся проделке мужика, и так как гнев-то его прошел, он сказал: «Так как ты свою награду потерял еще ранее, нежели получил ее, то я тебя награжу иначе: ступай в мою казну и возьми себе денег, сколько хочешь».

Мужик не заставил себе этого дважды повторять и набил в свои глубокие карманы, сколько влезло. Потом пошел в гостиницу и стал считать деньги. Ростовщик туда же за ним приполз и слышал, как тот ворчал себе под нос: «А ведь этот плут-король все же провел меня! Дай он мне денег сам, так я бы, по крайности, знал, что у меня есть. А теперь, как я могу наверно знать, сколько я наудачу в карман насыпал?» – «Ай-ай, – залепетал про себя ростовщик, – да он непочтительно смеет говорить о нашем государе! Побегу и донесу на него, тогда и я награду получу, и он будет наказан».

И точно, когда король услышал о речах мужика, то пришел в ярость и приказал пойти и привести провинившегося.

Ростовщик побежал к мужику. «Пожалуйте, – говорит, – тотчас к господину королю; как есть, так и ступайте». – «Нет, уж я лучше знаю, как к королю идти следует, – отвечал мужик. – Сначала я велю себе сшить новое платье. Или ты думаешь, что человек, у которого так много денег в кармане, может идти к королю в каком-нибудь старье?»

Ростовщик увидал, что мужик заупрямился и без нового платья к королю не пойдет; а между тем, пожалуй, и гнев у короля пройдет: тогда ни ему награды, ни мужику наказания не будет. Вот он и подъехал к мужику: «Я вам из одной дружбы могу на короткое время чудесное платье ссудить; отчего человеку не услужить по душе!»

Мужик на это не возражал, надел платье и пошел в замок.

Король потребовал у мужика отчета в тех непочтительных речах, о которых донес ему ростовщик. «Ах, – сказал мужик, – ведь уж известное дело: этот тип что не скажет, то соврет... От него разве можно правды ждать? Ведь вот он, пожалуй, станет утверждать, что я его платье надел». – «Ай, вей! Что такое? – закричал ростовщик. – Разве платье не мое? Разве я не из одной дружбы вам его ссудил на время, чтобы вы могли перед господином королем явиться?»

Услышав это, король сказал: «Ну, кого-нибудь из нас двоих – либо меня, либо мужика – он все-таки надул!» И приказал ему еще отсчитать малую толику битыми талерами.

А мужик отправился домой и в новом платье, и с деньгами и говорил себе по пути: «Ну, на этот раз я, кажись, в самый раз потрафил».

«Удачная торговля»

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Двенадцать братьев

Жили да были король с королевой; жили они в полном согласии и прижили двенадцать человек детей – и все были мальчуганы.

Вот король и говорит королеве: «Если тринадцатый ребенок, которого ты родишь, будет девочкой, то всех двенадцать мальчишек велю убить, чтобы и богатства у нее было больше, и все наше королевство ей одной принадлежало».

Он так и велел заготовить двенадцать гробов, которые были наполнены стружками, и в каждый даже небольшое покойническое изголовьице положено; по его приказу эти гробы были поставлены в особую запертую комнату, ключ от которой король отдал королеве и никому не велел о том сказывать.

И вот мать стала по целым дням горевать, так что меньшой сын, который был постоянно при ней (она его по Библии и назвала Вениамином), спрашивал ее: «Милая матушка, отчего ты такая грустная?» – «Милое мое дитяtko, – отвечала она, – не смею я тебе этого сказать». Однако же он не отставал от нее с вопросами до тех пор, пока она не пошла, не отперла комнаты и не показала ему двенадцать готовых гробов, наполненных стружками. И сказала ему мать: «Дорогой мой Вениамин, эти гробы отец ваш приказал приготовить для тебя и для твоих одиннадцати братьев, потому что он решил: если у меня родится девочка, то всех вас он велит умертвить и в этих гробах похоронить».

Говорила она все это и плакала; а сын утешал ее и сказал: «Не плачь, милая матушка, мы уж как-нибудь сами о себе подумаем и сами от него уйдем».

А она отвечала ему: «Ступай ты со своими одиннадцатью братьями в лес, и пусть один из вас всегда стоит настороже на самом высоком дереве, какое в лесу найдется, и пусть смотрит на замковую башню. Если у меня родится сынок, то велю выставить на башне белый флаг, и тогда вы все можете спокойно вернуться домой; если же родится доченька, то велю выставить на башне красный флаг, и тогда бегите как можно скорее, и да хранит вас Бог. Каждую ночь буду вставать и молиться за вас Богу: зимою, чтобы был у вас огонек, около которого вы могли бы согреться, а летом – чтобы жара вас не сморила». После того она благословила своих сыновей, и они ушли в лес. Все они, чередуясь, влезали на высочайший из лесных дубов и стояли там настороже, и глядели на башню замка.

Когда прошло одиннадцать дней и пришел черед лезть Вениамину, он увидел, что на башне поднят какой-то флаг: но то был не белый, а красно-красавый флаг, всем им возвещавший смерть!

Как только услышали об этом братья, все они вскипели гневом и сказали: «Неужели же мы осуждены на смерть из-за девчонки?! Так мы же клянемся, что отомстим за себя: где бы ни повстречали мы девчонку на пути нашем – она должна погибнуть от нашей руки».

Затем они углубились в самую чашу леса и в самой глухой лесной чащобе нашли небольшой заколдованный домик, стоявший пуст-пустехонек.

Тогда они сказали: «Здесь мы и поселимся, и ты, Вениамин, самый младший из нас и самый слабый, должен здесь быть постоянно и заниматься домоводством; а мы все остальные будем кругом рыскать, о пище заботиться».

И вот пошли они бродить по лесу и стали стрелять зайцев, диких коз, птиц и голубков – что в пищу годилось: все это сносили они к Вениамину, и тот уж должен был им из этого изготовить обед, которым бы они все могли насытиться.

Так прожили они в этом домике десять лет, и годы протекли для них незаметно.

Доченька, которую королева родила, успела тем временем вырасти и была девочкой предоброй и собою красочкой, и во лбу у ней горела золотая звезда. Однажды, когда в замке была большая стирка, она вдруг увидела среди белья двенадцать мужских рубах и спросила у матери: «Чьи же эти двенадцать рубах? Ведь отцу они слишком малы».

Тогда мать с великою скорбью отвечала ей: «Милое дитячко, эти рубахи твоих двенадцати братьев». – «Да где ж эти двенадцать братьев? Я о них еще никогда не слыхала». Мать отвечала: «Единому Богу известно, где они теперь. Бродят где-нибудь по миру».

Затем взяла девочку за руку и, открыв заветную комнату, указала ей на двенадцать гробов со стружками, с изголовьями. «Эти гробы, – сказала она, – были предназначены для твоих братьев; но они тайно ушли еще до твоего рождения».

И рассказала ей, как было дело.

Тогда девочка сказала: «Милая матушка, не плачь, я пойду и отыщу моих братьев».

И вот она взяла с собою двенадцать рубах и ушла из замка, и прямо вошла в большой дремучий лес.

Шла она целый день, а под вечер пришла к заколдованному домику. Вошла в домик и встретила в нем мальчика, который спросил ее: «Откуда идешь и куда?» – и немало был удивлен тем, что она была так хороша и наряжена в королевское платье и во лбу у нее горела звезда.

Тогда она отвечала: «Я королевская дочь и ищу моих двенадцать братьев, и пойду хоть на край света белого, пока не найду их». При этом указала она на двенадцать рубах, которые принадлежали королевичам-братьям.

Тогда Вениамин увидел, что это их сестра, и сказал: «Я – Вениамин, твой младший брат».

И она стала плакать от радости, и Вениамин тоже, и они целовались и миловались от всего сердца.

Затем он сказал: «Милая сестрица, тут есть некоторое препятствие... Ведь мы пообещали, что каждая девочка, с которой мы встретимся, должна будет умереть, ибо мы из-за девочки должны были покинуть наше родное королевство». А она на это: «Так что же? Я охотно умру, если смертью своею смогу освободить моих двенадцать братьев из ссылки». – «Нет, – отвечал он, – ты не должна умереть; садись вот под этот чан и сиди, пока не придут остальные одиннадцать братьев; уж я с ними как-нибудь улажусь».

Так она и сделала.

С наступлением ночи вернулись и остальные братья с охоты, и ужин им был готов. И когда они сидели за столом, то спросили: «Что слышно новенького?» Вениамин отвечал: «Неужто вы ничего не знаете?» – «Нет», – отвечали те; а Вениамин продолжал: «Как же это так? Вы по лесу рыщете, а я дома сижу, да более вас знаю!» – «Ну, так рассказывай нам!»

И он отвечал им: «А обещаете ли вы мне все, что первая девочка, которая нам встретится, не будет убита?» – «Да, да, – крикнули они разом, – она должна быть помилована. Ну,

рассказывай!» Тогда он и сказал: «Наша сестра здесь!» – и приподнял чан, и королева вышла из-под него в своих богатых одеждах и с золотой звездой во лбу, и явилась им такою прекрасною, нежною и стройною.

И все они ей обрадовались, бросились ей на шею, целовали ее и полюбили от всего сердца.

И вот она осталась вместе с Вениамином в их доме и стала помогать ему в работе. А остальные одиннадцать братьев по-прежнему рыскали по лесу, били всякую дичь, диких коз, птиц и голубков, чтобы было им что поесть, а сестра с братом Вениамином заботились о том, чтобы им еду приготовить.

Она собирала валежник на топливо и коренья на приправу и горшки около огня ворочала – и ужин был всегда на столе, когда возвращались домой ее одиннадцать братьев. Она и вообще наблюдала за порядком в домике, и постели им постилала чистенько и беленько, и братья были ею довольны и жили с нею в большом согласии.

По прошествии некоторого времени случилось однажды, что Вениамин с сестрою приготовили братьям отличное угощение, и когда они все сошлись, сели за стол и стали преселось есть и пить.

А позади заколдованного домика был небольшой садик, и в том садике росли двенадцать лилий. Сестра задумала братьям доставить удовольствие, сорвала эти двенадцать цветков и хотела каждому из них поднести по цветку после ужина.

Но как только она цветки сорвала, в то же мгновение ее двенадцать братьев обратились в двенадцать воронов и полетели за лес, а дом и сад – все исчезло, как не бывало.

И очутилась бедная девочка одна-одинешенька в диком лесу, и когда стала оглядываться кругом, то увидела рядом старуху, которая ей и сказала: «Дитя мое, что ты это наделала? Зачем ты сорвала эти двенадцать белых лилий? Ведь эти цветки были твои братья, и вот теперь они навек обратились в воронов».

Девочка отвечала ей со слезами: «Неужто нет никакого средства их спасти?» – «Нет, – отвечала старуха, – одно только и есть средство на всем свете, да и то такое трудное, что ты этим средством их не избавишь... Ты должна сама семь лет быть немою, не должна ни говорить, ни смеяться, и если ты хоть одно слово проронишь, а до семи лет недоставать будет хоть одного часа, то все твои труды пропали, и одно твое слово убьет всех твоих братьев».

Тогда девочка произнесла в сердце своем: «Я наверно знаю, что спасу своих братьев», – и пошла по лесу, отыскала себе высокое дерево, залезла на него и стала прясть, и не говорила, не смеялась.

Случилось, однако же, так, что один король заехал в тот лес на охоту, а у того короля была большая борзая собака, которая прямо подбежала к тому дереву, на котором девушка сидела, стала около него кружить и лаять вверх. Подъехал к дереву король, увидел королеву-красавицу с золотой звездой во лбу и так восхитился ее красотой, что крикнул ей прямо, не желает ли она быть ему супругою. Она ему ничего не ответила, только головою кивнула. Тогда он сам влез на дерево, снес ее оттуда, посадил к себе на лошадь и привез домой.

Свадьбу отпраздновали великолепно и весело: но невеста короля не говорила и не смеялась.

Когда они уже года два прожили между собою в полном согласии, мачеха короля, женщина злая, стала на молодую королеву нашептывать и клеветать королю: «Вывез ты из леса простую нищую, и кто ее знает, какими она безбожными делами занимается втайне от нас! Если она точно немая и не может говорить, так ведь она, по крайней мере, могла бы смеяться; ну, а уж кто не смеется, у того, конечно, совесть нечиста!» Король долго не хотел верить этим наговорам, однако же старуха так настаивала на своем и обвиняла свою невестку в стольких злодеяниях, что король наконец дал себя уговорить и приговорил жену к смертной казни.

Во дворе королевского замка был разведен большой костер, на котором должны были ее сжечь: и король стоял у верхнего окошечка замка и смотрел сквозь слезы на все эти приготовления, потому что все же очень любил свою жену.

Когда она уже была привязана к столбу на костре и пламя костра длинными красными языками стало лизать край ее одежды, истек последний миг заветных семи лет.

Тогда в воздухе послышался свист крыльев, и двенадцать воронов явились над костром и опустились наземь: и чуть земли коснулись, обратились в ее братьев, которые ей обязаны были своим спасением. Они разбросали костер, погасили пламя, отвязали сестру от столба и стали ласкать и целовать ее.

Тут уж, когда она могла открыть уста и говорить, она рассказала королю, почему была нема и никогда не смеялась.

Король с радостью узнал о том, что она невинна, и они все вместе жили в согласии до самой смерти.

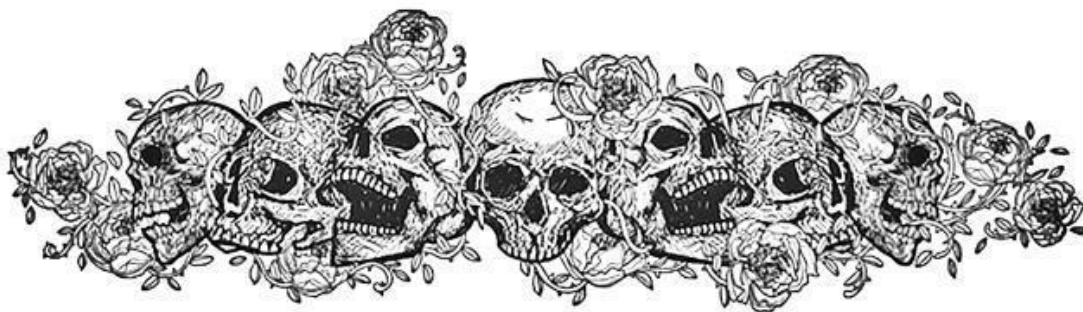
А злая мачеха была отдана под суд, и суд присудил ее посадить в бочку с кипящим маслом и ядовитыми змеями, и она погибла злою смертью.

«Двенадцать братьев. Девочка в заколдованном лесу»

Художник – Герман Фогель. 1894 г.

Сброд оборванцев

Жили-были на белом свете петушок с курочкой. Вот и сказал петушок курочке: «Теперь самое время орехам зреть; пойдём на гору и насладимся ими досыта, пока их белка все к себе не перетаскала». – «Ладно, – отвечала курочка, – потешим утробушку».

И пошли они на гору, и так как день был светлый, то они и оставались там до самого вечера.

И, право, уж не знаю – наелись ли они чересчур плотно или высокомерие их обуяло, но только не захотелось им возвращаться домой пешком, и петушку пришлось смастерить небольшую повозку из ореховой скорлупы.

Когда повозка была готова, курочка сейчас в нее уселась и говорит петушку: «А ну-ка, впрягайся да вези меня». – «Еще что выдумала, – сказал петух, – да я лучше пешком домой пойду, чем впрягаться стану. Нет, между нами такого уговора не было. Кучером еще, пожалуй, готов быть и на козлах сидеть, а чтобы на себе тащить – не согласен!»

Между тем, пока они спорили, затараторила на них утка: «Ах вы, воришки, да кто вам позволил в мой орешник на горе ходить? Ужо вот заплатите за это!» – и с раскрытым клювом налетела на петушка. Однако же петушок, не будь промах, клюнул утку в брюхо, а затем уж так храбро напал на нее со своими шпорами, что она стала просить пощады и охотно обязалась в виде наказания тащить на себе повозку.

Тут уж петушок взобрался на козлы кучером и давай погонять: «Утка, валяй во все лопатки!»

Проехав часть пути, повстречали они еще двоих путников: булавку и иголку.

Те крикнули: «Стой, стой!» – и стали говорить, что вот, мол, сейчас стемнеет, тогда им и шагу нельзя ступить далее, да и грязно, мол, очень по дороге – так нельзя ли им тоже в повозке примоститься, а то они в портняжной гостинице у ворот застоялись и около пива запоздались.

Петушок, видя, что они ребята тощие, места много не займут, взял их обеих в повозку, только с тем уговором, чтобы они ни ему, ни его курочке на ноги не наступали.

Поздно вечером приехали они к гостинице, и так как им не хотелось дальше ехать ночью, да и утка еле на ногах держалась и то на один бок, то на другой валилась, то и завернули в гостиницу.

Хозяин гостиницы сначала стал было ломаться да говорить, что у него, дескать, в доме места нет, да и то подумал, что приезжие – народ не важный; потом, однако же, сдался на их сладкие речи, на обещания, что вот, мол, ему достанется яичко, которое курочка дорогой снесла, да, кроме того, и утку он тоже может удержать при себе, а та, мол, каждый день по яичку кладет...

Сдался – и впустил их ночевать.

Они, конечно, велели себе подать ужин и этому ужину оказали надлежащую честь.

Ранешенько утром, когда еще только чуть брезжилось и все еще спали, петушок разбудил курочку, достал яичко, проклевал его, и они вместе им позавтракали, а яичные половинки бросили на очаг.

Потом пошли к иголке, которая еще спала, взяли ее за ушко и загнали в подушку хозяйского кресла; наконец добрались и до булавки, взяли ее да и прикололи к полотенцу хозяина, а сами, как ни в чем не бывало, давай бог ноги!

Утка спала под открытым небом во дворе, услышала, как они улизнули, и тоже приободрилась; разнюхала какой-то ручеек и поплыла по течению его – и откуда прыть взялась! Не то что повозку тащить!

Только уж часа два спустя протер себе хозяин глаза на своей пуховой перине, умылся и только хотел было утереться полотенцем, как булавка царапнула его по лицу и провела красный рубец от уха до уха. Пошел он в кухню и хотел было трубочку закурить; но чуть только подошел к очагу – обе яичные скорлупы как прыгнут ему в глаза... «Да что же это сегодня все моей голове достается!» – сказал он про себя и с досадой опустился на дедовское кресло, но тотчас же вскочил с него и вскрикнул: «Ай, ай!» – потому что иголка его очень больно (и не в голову) уколола.

Тут уж он совсем обозлился и стал во всех этих проделках подозревать этих приезжих, которые накануне прибыли так поздно: пошел, посмотрел – а их и след простыл.

Тут он дал себе клятву никогда больше не пускать к себе под крышу всякий сброд, который потребляет много, не платит ничего – да еще в виде благодарности пускается вот на какие штуки.

«Сброд оборванцев»

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Братец и сестрица

Братец взял сестрицу за руку и сказал: «С той поры, как матушка скончалась, нет у нас ни на час радости; мачеха бьет нас каждый день, а когда мы к ней приходим, она нас гонит от себя пинками прочь. Кормит она нас одними оставшимися от стола черствыми корками, и собачонке под столом живется куда лучше: той все же, хоть изредка, она швырнет лакомый кусочек. Боже сохрани, кабы наша матушка об этом знала! Пойдем, станем вместе бродить по белу свету».

И пошли, и шли целый день по лугам, по полям и камням; и когда шел дождь, сестричка приговаривала: «И небо, и сердца наши заодно плачут!»

Вечером пришли они в большой лес и были так утомлены своею скорбью, голодом и дальним путем, что забрались в дупло дерева и уснули.

На другое утро, когда они проснулись, солнце стояло уже высоко на небе и горячо пригревало дупло. Тогда братец сказал: «Сестрица, мне пить хочется, и если бы я знал тут поблизости ключик, я бы сейчас туда сбегал и напился; мне кажется, я тут слышал журчание поблизости». Он встал, взял сестрицу за руку, и они пошли разыскивать ключик.

А злая мачеха их была ведьмой и видела, как дети ушли из дому, и сама невидимой, как все ведьмы, прокралась за ними следом и все ключи в лесу заколдовала.

Вот и нашли они ключик, который так и блестел, попрыгивая на камнях, и братец хотел уж из него напиться; однако же сестрица прослышала, как ключик среди плеска журчал: «Кто из меня изопьет водицы, в тигра обратится! Кто из меня изопьет водицы, в тигра обратится!»

Тогда сестрица воскликнула: «Прошу тебя, братец, не пей, не то оборотишься лютым зверем и меня растерзаешь».

Братец не стал пить, хотя и мучила его невыносимая жажда, и сказал: «Я подожду до ближайшего источника».

Когда они пришли ко второму ключику, сестрица и в том среди журчанья выслушала: «Кто из меня воды напьется, волком обернется; кто из меня воды напьется, волком обернется».

И крикнула сестрица братцу: «Братец, прошу тебя, не пей, не то обернешься волком и съешь меня».

Не стал пить братец и сказал: «Я обожду до ближайшего источника, но там уж напьюсь непременно, что бы ты там ни говорила: жажда моя слишком невыносима».

Вот пришли они и к третьему источнику, и сестрица услышала, как он среди плеска журчал: «Кто из меня напьется, диким козликом обернется; кто из меня напьется, диким козликом обернется».

Сестрица сказала: «Ах, братец, прошу тебя, не пей, не то диким козликком обернешься, убежишь от меня».

Но братец уже бросился к ключу, нагнулся к нему и хлебнул водицы, и чуть только первая капля ее попала ему на губы – он уже очутился у ключа диким козликком.

Поплакала сестрица над околдованным братцем, и козлик поплакал тоже и сидел около нее грустный, унылый. Наконец, сестрица сказала: «Не печалься, милый козлик, я тебя никогда не покину».

Тогда отвязала она свою золоченую подвязку и навязала ее козлику на шею; потом нарвала ситовнику и сплела из него мягкий шнурок. На этот шнурок привязала она козлика и повела его далее, и все шла и шла вглубь леса. И вот после долгого-долгого перехода они пришли, наконец, к маленькому домику, и сестрица в него заглянула; домик оказался пуст, и она подумала: «Здесь можем мы остаться и поселиться».

Тогда набрала она листвы и мха на мягкую постель для козлика и каждое утро выходила из дома и собирала для себя корешки, ягоды и орехи, а для козлика приносила нежной травки, которую тот ел у нее из рук и был доволен, и играл возле нее.

Вечерком, поутомившись, сестричка, бывало, помолится, положит голову козлику на спину, словно на подушечку, да так и уснет. И если бы только у братца был его прежний, человеческий образ, им бы жилось отлично.

Так и жили они некоторое время одни-одинешеньки в глуши.

Случилось, однако же, так, что король той страны затеял в том лесу большую охоту.

Раздались повсюду звуки рогов, лай собак, веселые крики охотников далеко разнеслись по лесу, и козлик слышал все это, и очень хотелось ему при этом быть. «Ах, – сказал он сестрице, – выпусти ты меня посмотреть на охоту. Не сидится мне здесь на месте!» – и упрашивал ее до тех пор, пока она не отпустила. «Только смотри, – сказала она ему, – вечером возвращайся ко мне, ведь я от этих злых охотников должна буду запереться; а чтобы я тебя узнала, так постучись да скажи: “Сестричка,пусти меня”, – и если ты так не скажешь, то и дверки моей не отворю тебе».

Вот и выскочил козлик из дома, и было ему так хорошо, так весело на свежем воздухе! Король и слуги приметили красивое животное и пустились было за ним в погоню, да никак не могли поймать, и когда уже думали, что вот-вот он у них в руках, тот прыгнул через куст и исчез.

Чуть стемнело, он прибежал к домику, постучался и сказал: «Сестричка,пусти меня». Тогда была ему отворена маленькая дверка, он выпрыгнул в дом и целую ночь отдыхал на своем маленьком ложе.

На другое утро охота продолжалась снова, и когда козленочек слышал звук рогов и топот егерей, он опять стал тревожиться и сказал: «Сестричка,отопри мне,пусти меня». Сестричка отперла дверь и сказала: «Только вечером приходи непременно и не забудь своих словечек».

Когда король и его егеря опять увидели козлика с золотым ожерелком, все они бросились за ним в погоню; но он оказался необычайно быстроногим и проворным.

Целый день они за ним гонялись; наконец, под вечер окружили его, и один из егерей поранил его немного в ногу, так что он захромал и побежал уж не так быстро.

Тогда за ним следом прокрался один из егерей до самого домика и слышал, как козлик сказал: «Сестричка,пусти меня», – и видел, как дверь перед ним отворилась и вновь захлопнулась.

Егеря все это отлично запомнил, пошел к королю и рассказал ему, что он видел и что он слышал. Тогда король сказал: «Завтра еще поохотимся».

А сестричка страшно перепугалась, когда увидела, что ее козлик поранен. Она смыла кровь с его раны, приложила к ней целебные травы и сказала: «Ступай на свою постельку, милый козлик, чтобы поскорее выздороветь».

Рана была, однако же, так незначительна, что козлик поутру ее уж и не чувствовал.

И когда он услышал долетавшие из леса веселые звуки охотничьих рогов, он сказал: «Не могу высидеть дома, я должен там быть; меня ведь не так скоро они изловят».

Сестрица заплакала и стала ему говорить: «Вот они тебя теперь убьют, а я здесь, в лесу, одна и всеми покинута: не пущу я тебя сегодня». – «Так я тут умру на глазах у тебя с горя! – отвечал козлик. – Когда я слышу звук охотничьего рога, то у меня туда душа рвется!»

Тут увидела сестрица, что его не удержишь, и с великой неохотой отперла ему дверь, и козлик, веселый и бодрый, махнул в лес.

Король, чуть только его увидел, сказал своим егерям: «Теперь гонитесь за ним по следу целый день до самой ночи, но чтобы ему никто никакого зла не сделал».

А когда солнце закатилось, он сказал тому егерю, что накануне следил за козликом: «Ну, пойдем, покажи мне лесной домик».

Очутившись перед дверкой, он постучал и крикнул: «Сестричка,пусти меня».

Тогда дверка отворилась, король вошел в домик и увидел там девушку невиданной красоты. Она испугалась, увидев, что вошел не козлик ее, а мужчина с золотой короной на голове. Но король ласково посмотрел на нее, протянул ей руку и сказал: «Не желаешь ли ты со мною ехать в замок и быть мне милою женою?» – «О, да! – сказала девушка. – Но и козлик должен быть при мне – я его здесь не оставлю». – «Пусть остается при тебе, – сказал король, – пока ты жива, пусть и у него будет всего вдоволь».

Тем временем и козлик подрос, и сестрица опять привязала его на шнурок, взяла шнурок в руки и пошла вместе с козликом из лесного домика.

Король взял красавицу с собою на коня и повез ее в свой замечательный замок, где свадьба была сыграна богато-пребогато, и сестричка стала королевой и долгое время жила с мужем в полном довольстве; и за козликом все ухаживали и берегли его, и он прыгал себе на свободе по замковому саду.

А злая мачеха, из-за которой детки пошли по миру, та уж думала, что сестричку, вероятно, дикие звери растерзали в лесу, а братец, обороченный в дикого козлика, подстрелен охотниками.

Когда же она услышала, что они так счастливы и что им живется хорошо, то зависть и вражда вновь заговорили в ее сердце и не давали ей покоя, и стала она только о том думать, как бы их обоих снова сделать несчастными.

Родная-то дочка мачехи, дурная, как смертный грех, да притом еще и одноглазая, стала попрекать свою мать и говорила: «Мне бы следовало быть королевой, а не той девчонке». – «Сиди да молчи, – сказала старая ведьма, убажывая ее, – придет время, так уж я воспользуюсь».

По прошествии известного времени королева родила славного мальчугана, а король-то как раз в это время на охоте был...

Вот старая ведьма и приняла на себя внешность королевичиной служанки, вошла в комнату, где лежала родильница, и сказала: «Пожалуйста, ванна для вас готова, она вам будет полезна и придаст вам новых сил; пожалуйста скорее, пока не остыла вода».

Дочка была у ней тут же под рукою; вместе снесли они ослабевшую королеву в баню и опустили ее в ванну; затем заперли дверь накрепко и убежали оттуда. А в бане развели такой адский огонь, что прекрасная юная королева должна была неминуемо там задохнуться.

Когда это было сделано, старая ведьма взяла свою дочку, надела на нее чепец и положила ее в постель на место королевы. Она придала ей и образ, и внешность королевы, только как она была крива на один глаз, так и осталась; а для того, чтобы король этого не заметил, ведьмина дочка должна была лежать на том боку, на который была кривоглаза.

Вечеру, когда король вернулся и услышал, что у него родился сынок, он обрадовался от всего сердца и захотел подойти к постели и взглянуть на свою милую жену.

Тогда старая ведьма поспешила крикнуть: «Ради Бога, опустите занавеси, королева еще не должна смотреть на свет, и притом ей нужен покой».

Король отошел от кровати и не знал, что на ней лежала не его жена, а другая, подставная, королева.

В самую полночь, когда все спало, мамка, которая сидела в детской у колыбельки и одна только не спала во всем доме, увидела, что дверь отворилась и настоящая королева вошла в детскую.

Она вынула ребенка из колыбели, положила его на руку и дала ему напиток. Затем она оправила ему подушечку, положила его опять в колыбельку и прикрыла одеяльцем. Не забыла она и козлика, пошла в угол, где он лежал, и погладила его по спине.

Затем она в глубоком молчании вновь вышла из двери, а мамка на другое утро спрашивала сторожей, не приходил ли кто в замок ночью – и получила ответ: «Нет, мы никого не видали».

Так приходила она много ночей подряд и никогда при этом не обмолвилась ни единым словом; мамка видела ее каждую ночь, но никому не решалась ничего о том сказать.

По прошествии некоторого времени королева во время своего ночного посещения заговорила и сказала:

Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Приду еще дважды и уйду на покой.

Мамка не отвечала ей ничего; но когда она исчезла, мамка пошла к королю и рассказала ему все.

Король сказал: «Боже мой, что бы это значило? Следующую ночь я проведу у колыбели сына».

И точно, с вечера пришел он в детскую, и ровно в полночь снова явилась королева и сказала:

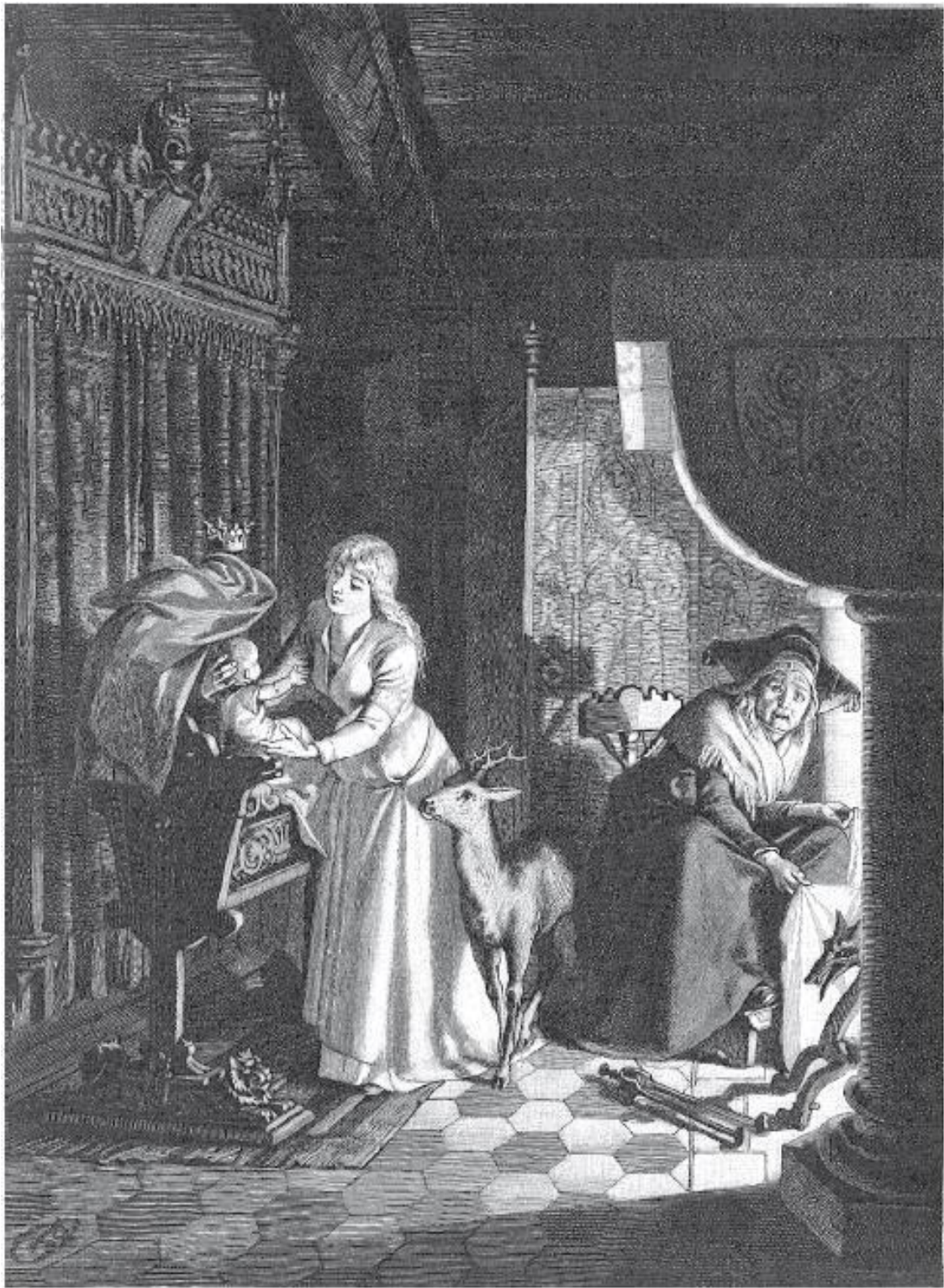
Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Приду еще раз я и уйду на покой.

И затем стала нянчиться с ребенком, как и в предыдущие посещения, и потом исчезла. Король не решился с нею заговорить, но не спал и в следующую ночь. И опять она повторила:

Что, мое дитяtko? Что, козлик мой?
Пришла я в последний раз – иду на покой.

Тут уж король не мог воздержаться, бросился к ней и сказал: «Ты не кто иная, как моя милая жена». И она отвечала: «Да, я твоя милая жена», – и в то же мгновение по милости Божией жизнь возвратилась к ней, и она предстала перед королем свежая, румяная и здоровая.

Затем она рассказала королю о том злодействе, которое совершили над нею злая ведьма и ее дочь. Король приказал обеих вести в суд, и там был над ними произнесен приговор. Дочку присудили отвести в лес, где ее растерзали дикие звери; а ведьму взвели на костер, где она и сгорела. И когда от ведьмы остался только один пепел, дикий козлик перестал быть оборотнем и вновь стал юношей; и жили братец с сестрицей неразлучно и счастливо до самой их смерти.

«Братец и сестрица»

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Колокольчик

Где-то далеко, в тридесятом царстве, жили-были муж с женою, которые уже много лет сряду тщетно желали иметь детей; наконец, жена получила возможность надеяться, что Бог исполнит ее желание.

В задней части их дома было небольшое оконце, из которого виден был превосходный сад, переполненный самыми лучшими цветами и растениями.

Но он был обнесен высокой стеной, и никто не смел в него входить, потому что он принадлежал волшебнице, которая обладала обширной властью, и все ее боялись.

Однажды жена стояла у этого оконца и глядела в сад, и увидела грядку, на которой росли прекрасные репчатые колокольчики, такие свежие и красивые, что у нее глаза разгорелись.

И она почувствовала непреодолимое желание отведать салат из луковиц садовых колокольчиков.

Желание с каждым днем возрастало, и так как она знала, что их нельзя было добыть, то она совсем упала духом, побледнела и загрустила.

Тогда муж перепугался и спросил: «Да что с тобой, милая женушка?» – «Ах! – отвечала она. – Если мне нельзя будет поесть салата из луковиц садовых колокольчиков, что растут в саду позади нашего дома, то я не выживу». Муж, который очень ее любил, сказал себе: «Я не допущу смерти своей жены и добуду этих луковиц, чего бы мне это ни стоило».

В сумерки перелез он через стену в сад волшебницы, торопливо накопал полную пригоршню луковиц и принес своей жене. Та тотчас сделала себе салат и поела с большим наслаждением.

Но это кушанье ей так понравилось, что на другой день ей еще более захотелось его поесть. Ради ее успокоения пришлось мужу опять лезть в сад.

И он в сумерки опять спустился туда, но лишь только перебрался через стену, как очень испугался, потому что очутился лицом к лицу с волшебницей. «Как дерзаешь ты, – сказала она, гневно на него глянув, – перелезть в мой сад? Это тебе не пройдет даром!» – «Ах! – сказал он. – Смените гнев на милость; из нужды на это решился: моя жена увидела ваши колокольчики из окошка и таким загорелась желанием, что, кажется, тут бы ей и смерть пришла, кабы не дать ей салата покушать».

Тогда волшебница поунылась в гневе и сказала ему: «Коли это так, как ты говоришь, я тебе позволю взять сколько хочешь луковиц, но только с одним условием: ты должен мне отдать того ребенка, который у твоей жены родится. Ей будет у меня хорошо, и я буду о нем заботиться, как родная мать».

С перепугу он на все согласился, и когда его жене Бог дал дочь, тотчас явилась волшебница, назвала ребенка Колокольчиком и унесла к себе.

Колокольчик была прелестнейшая девочка. Когда ей минуло двенадцать лет, волшебница заключила ее в башню среди леса, и в той башне не было ни двери, ни лестницы, только на самом верху маленькое окошечко.

Когда волшебница хотела попасть в башню, то подходила к ней и кричала снизу:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

А волосы у девушки были чудные, тонкие, как золотая пряжа.

Заслышав голос волшебницы, она распускала свои косы, обвивала их вверху около оконного затвора, и тогда ее волосы золотистой волной падали на двадцать локтей ниже окна, и волшебница по ним взбиралась наверх.

Года два спустя случилось однажды тем лесом проезжать королевичу, и путь ему лежал мимо той башни. И услышал он в той башне пение, которое было так приятно, что он приостановился и стал прислушиваться.

Это пела затворница – в своем уединении она старалась скоротать время, потешаясь своим милым голоском.

Королевич хотел было взобраться на ту башню и стал искать вход в нее, но дверей никаких не оказалось.

Он поехал домой; однако же это пение так тронуло его сердце, что он каждый день ходил в лес и все прислушивался.

Однажды стоял он около башни, укрывшись за деревом, и увидел, что приблизилась к ней волшебница, и услышал, как она снизу вверх крикнула:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

Девушка опустила вниз свои заплетенные косы, и волшебница поднялась по ним наверх башни.

«Коли наверх башни по этой лестнице ходят, – подумал королевич, – так я тоже когда-нибудь попытаю счастья».

И на другой же день с наступлением темноты он подошел к башне и крикнул:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз!

Тотчас спустились косы сверху, и королевич взобрался по ним на башню.

Сначала девушка очень испугалась, когда к ней вошел мужчина, а она ни одного и в глаза не видывала!

Но королевич заговорил с нею очень ласково и рассказал ей, как его сердце было тронуто ее пением и как он с тех пор не мог успокоиться, пока ее не увидел.

Тогда у нее и страх прошел, и когда он ее спросил, не желает ли она взять его себе в мужа (а она видела, что он и молод, и прекрасен), то она подумала: «Ему я буду милее, чем старой Гошель». Так звали волшебницу.

И отвечала она согласием, и подала ему руку.

Она сказала: «Я охотно пойду с тобою, только не знаю, как бы мне вниз сойти. Когда ты будешь ко мне приходить, то приноси каждый раз с собою моток шелку: я из него стану плести лестницу, и когда она будет готова, я по ней сойду, и ты меня возьмешь с собою на коня».

Они условились, что он будет бывать у нее каждый вечер, потому что по утрам приходила к ней старуха.

Волшебница, со своей стороны, ничего не замечала, пока однажды девушка не спросила ее: «Скажите, пожалуйста, госпожа Гошель, отчего это мне гораздо труднее бывает вас поднимать сюда на башню, нежели молодого королевича? Тот в один миг уж и здесь!» – «Ах ты, безбожница! – воскликнула волшебница. – Что я от тебя слышу? Я думала, что тебя от всего света удалила, а ты все же обманула меня!»

В гнев своем ухватила она чудные волосы девушки, обмотала ими два раза левую руку, а в правую взяла ножницы и – раз, раз! – волосы обрезала, и чудные косы пали к ногам волшебницы. Не удовольствовавшись этим, волшебница была настолько безжалостна, что унесла бедняжку в дикую пустыню, где та должна была проводить жизнь в великом горе и лишениях.

В тот же день, расправившись с девушкой, волшебница под вечерок закрепила косы наверху к оконному затвору, и когда королевич приехал и крикнул:

Колокольчик, покажись,
Спусти косы свои вниз! —

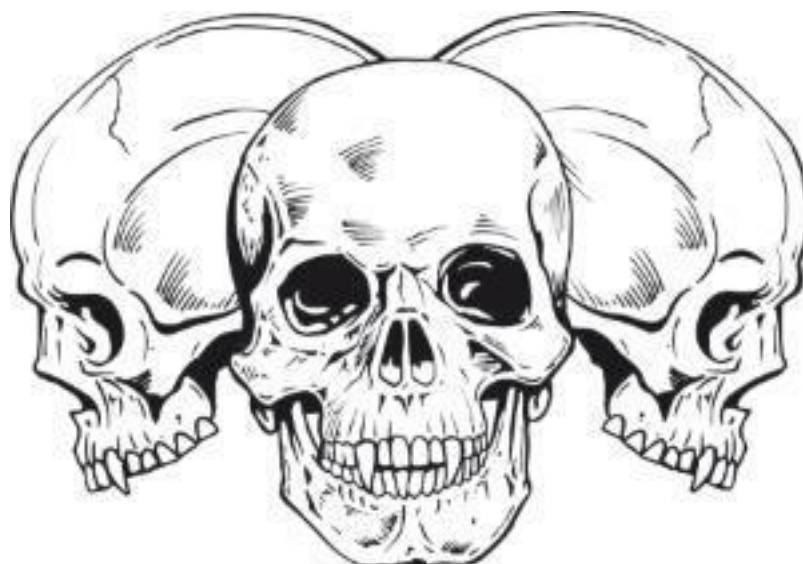
она спустила косы вниз, королевич взобрался по ним наверх, но встретил там не свою милую, а волшебницу, которая бросила на него злобный взгляд. «А-га! – воскликнула она насмешливо. – Ты приехал за своей милой; но только эта красивая птичка уже не сидит в своем гнездышке и не поет более – кошка ее утащила, да еще и тебе-то глаза повыцарапает! Да! Ты ее уж никогда более не увидишь».

Королевича забрало такое горе, что он в отчаянии бросился с башни: не убился до смерти, но тот терновник, в который он упал, выколол ему глаза. Так бродил он по лесу, питался одними кореньями и ягодами и горько оплакивал утрату своей милой.

Много лет он скитался в величайшей нищете и наконец попал в пустыню, где бедствовала его милая вместе с теми близнецами, которые у нее родились.

Тогда он вдруг услышал голос, показавшийся ему знакомым; он пошел прямо на этот голос, и, когда приблизился, Колокольчик узнала его и со слезами бросилась ему на шею. Две ее слезинки пали ему на глаза, и глаза снова прозрели, и он мог ими все видеть, как прежде.

Тогда повел он ее с собою в свое королевство, где все приняли их с радостью, и они стали жить счастливые и довольные.

Гензель и Гретель

В большом лесу на опушке жил бедный дровосек со своею женою и двумя детьми: мальчишку-то звали Гензель, а девочочку – Гретель.

У бедняка было в семье и скудно, и голодно; а с той поры, как наступила большая дороговизна, у него и насущного хлеба иногда не бывало.

И вот однажды вечером лежал он в постели, раздумывая и ворочаясь с боку на бок от забот, и сказал своей жене со вздохом: «Не знаю, право, как нам и быть! Как будем мы детей питать, когда и самим-то есть нечего!» – «А знаешь ли что, муженек, – отвечала жена, – завтра ранешенько выведем детей в самую чащу леса; там разведем им огонек и каждому дадим еще по кусочку хлеба в запас, а затем уйдем на работу и оставим их там одних. Они оттуда не найдут дороги домой, и мы от них избавимся». – «Нет, женушка, – сказал муж, – этого я не сделаю. Невмоготу мне своих деток в лесу одних оставлять – еще, пожалуй, придут дикие звери да и растерзают». – «Ох ты, дурак, дурак! – отвечала она. – Так разве же лучше будет, как мы все четверо станемдохнуть с голода, и ты знай строгай доски для гробов».

И до тех пор его пилила, что он наконец согласился. «А все же жалко мне бедных деток», – говорил он, даже и согласившись с женою.

А детки-то с голоду тоже заснуть не могли и слышали все, что мачеха говорила их отцу. Гретель плакала горькими слезами и говорила Гензелю: «Пропали наши головы!» – «Полно, Гретель, – сказал Гензель, – не печалься! Я как-нибудь ухитрюсь помочь беде».

И когда отец с мачехой уснули, он поднялся с постели, надел свое платьишко, отворил дверку, да и выскользнул из дома.

Месяц светил ярко, и белые голыши, которых много валялось перед домом, блестели, словно монетки. Гензель наклонился и столько набрал их в карман своего платья, сколько влезть могло.

Потом вернулся домой и сказал сестре: «Успокойся и усни с Богом: он нас не оставит». И улегся в свою постельку.

Чуть только стало светать, еще и солнце не всходило – пришла к детям мачеха и стала их будить: «Ну, ну, подымайтесь, лентяи, пойдем в лес за дровами».

Затем она дала каждому по кусочку хлеба на обед и сказала: «Вот вам хлеб на обед, только смотрите, прежде обеда его не съешьте, ведь уж больше-то вы ничего не получите».

Гретель взяла хлеб к себе под фартук, потому что у Гензеля карман был полнехонек камней. И вот они все вместе направились в лес.

Пройдя немного, Гензель приостановился и оглянулся на дом, и потом еще и еще раз.

Отец спросил его: «Гензель, что ты там зеваешь и отстаешь? Изволь-ка прибавить шагу». – «Ах, батюшка, – сказал Гензель, – я все посматриваю на свою белую кошечку: сидит она там на крыше, словно со мною прощается».

Мачеха сказала: «Дурень! Да это вовсе и не кошечка твоя, а белая труба блестит на солнце». А Гензель и не думал смотреть на кошечку, он все только потихонечку выбрасывал на дорогу из своего кармана по камешку.

Когда они пришли в чашу леса, отец сказал: «Ну, собирайте, детки, валежник, а я разведу вам огонек, чтобы вы не озябли».

Гензель и Гретель натаскали хворосту и навалили его гора-горой. Костер запалили, и когда огонь разгорелся, мачеха сказала: «Вот, прилягте к огоньку, детки, и отдохните; а мы пойдем в лес и нарубим дров. Когда мы закончим работу, то вернемся к вам и возьмем с собою».

Гензель и Гретель сидели у огня, и когда наступил час обеда, они съели свои кусочки хлеба. А так как им слышны были удары топора, то они и подумали, что их отец где-нибудь тут же, недалеко.

А постукивал-то вовсе не топор, а простой сук, который отец подвязал к сухому дереву: его ветром раскачивало и ударяло о дерево.

Сидели они, сидели, стали у них глаза слипаться от усталости, и они крепко уснули.

Когда же они проснулись, кругом была темная ночь. Гретель стала плакать и говорить: «Как мы из лесу выйдем?» Но Гензель ее утешал: «Погоди только немножко, пока месяц взойдет, тогда уж мы найдем дорогу».

И точно, как поднялся на небе полный месяц, Гензель взял сестричку за руку и пошел, отыскивая дорогу по гольшам, которые блестели, как заново отчеканенные монеты, и указывали им путь.

Всю ночь напролет шли они и на рассвете пришли-таки к отцовскому дому. Постучались они в двери, и когда мачеха отперла и увидела, кто стучался, то сказала им: «Ах вы, дрянные детишки, что вы так долго заспались в лесу? Мы уж думали, что вы и совсем не вернетесь».

А отец очень им обрадовался: его и так уж совесть мучила, что он их одних покинул в лесу.

Вскоре после того нужда опять наступила страшная, и дети услышали, как мачеха однажды ночью еще раз стала говорить отцу: «Мы опять все съели; в запасе у нас всего-навсего полкаравая хлеба, а там уж и песне конец! Ребят надо спровадить; мы их еще дальше в лес заведем, чтобы они уж никак не могли разыскать дороги к дому. А то и нам пропадать вместе с ними придется».

Тяжело было на сердце у отца, и он подумал: «Лучше было бы, кабы ты и последние крохи разделил со своими детками». Но жена и слушать его не хотела, ругала его и высказывала ему всякие упреки.

«Назвался груздем, так и полезай в кузов!» – говорит пословица; так и он: уступил жене первый раз – должен был уступить и второй.

А дети не спали и к разговору прислушивались. Когда родители заснули, Гензель, как и в прошлый раз, поднялся с постели и хотел набрать гольшей, но мачеха заперла дверь на замок, и мальчик никак не мог выйти из дома. Но он все же унимал сестричку и говорил ей: «Не плачь, Гретель, и спи спокойно. Бог нам поможет».

Рано утром пришла мачеха и подняла детей с постели. Они получили по куску хлеба – еще меньше того, который был им выдан прошлый раз.

По пути в лес Гензель искрошил свой кусок в кармане, часто приостанавливался и бросал крошки на землю.

«Гензель, что ты все останавливаешься и оглядываешься, – сказал ему отец, – ступай своей дорогой». – «Я оглядываюсь на своего голубка, который сидит на крыше и прощается

со мною», – отвечал Гензель. «Дурень! – сказала ему мачеха. – Это вовсе не голубок твой: это труба белеет на солнце».

Но Гензель все же мало-помалу успел разбросать все крошки по дороге.

Мачеха еще дальше завела детей в лес, туда, где они отродясь не бывали.

Опять был разведен большой костер, и мачеха сказала им: «Посидите-ка здесь, и коли умаетесь, то можете и поспать немного: мы пойдем в лес дрова рубить, а вечером, как кончим работу, зайдем за вами и возьмем вас с собою».

Когда наступил час обеда, Гретель поделилась своим куском хлеба с Гензелем, который свою порцию раскрошил по дороге.

Потом они уснули, и уж за вечерело, а между тем никто не приходил за бедными детками.

Проснулись они уже тогда, когда наступила темная ночь, и Гензель, утешая свою сестричку, говорил: «Погоди, Гретель, вот взойдет месяц, тогда мы все хлебные крошечки увидим, которые я разбросал, по ним и отыщем дорогу домой».

Но вот и месяц взошел, и собрались они в путь-дорогу, а не могли отыскать ни одной крошки, потому что тысячи птиц, порхающих в лесу и в поле, давно уже те крошки поклевали.

Гензель сказал сестре: «Как-нибудь найдем дорогу», – но дороги не нашли.

Так шли они всю ночь и еще один день с утра до вечера и все же не могли выйти из леса и были страшно голодны, потому что должны были питаться одними ягодами, которые кое-где находили по дороге. И так как они притомились и от истомы уже еле на ногах держались, то легли они опять под деревом и заснули.

Настало третье утро с тех пор, как они покинули родительский дом. Пошли они опять по лесу, но, сколько ни шли, все только глубже уходили в чащу его, и если бы не подспела им помощь, пришлось бы им погибнуть.

В самый полдень увидели они перед собою прекрасную белоснежную птичку; сидела она на ветке и распевала так сладко, что они приостановились и стали к ее пению прислушиваться. Пропевши свою песенку, она расправила свои крылышки и полетела, и они пошли за нею следом, пока не пришли к избушке, на крышу которой птичка уселась.

Подойдя к избушке поближе, они увидели, что она вся из хлеба построена и печеньем покрыта, да окошки-то у нее были из чистого сахара.

«Вот мы за нее и примемся, – сказал Гензель, – и покушаем. Я вот съем кусок крыши, а ты, Гретель, можешь себе от окошка кусок отломить – оно, небось, сладкое». Гензель потянулся кверху и отломил себе кусочек крыши, чтобы отведать, какова она на вкус, а Гретель подошла к окошку и стала обглаживать его оконницы.

Тут из избушки вдруг раздался пискливый голосок:

Стуки-бряки под окном —
Кто ко мне стучится в дом?

А детки на это отвечали:

Ветер, ветер, ветерок.
Неба ясного сынок! —

и продолжали по-прежнему кушать.

Гензель, которому крыша пришлась очень по вкусу, отломил себе порядочный кусок от нее, а Гретель высадила себе целую круглую оконницу, тут же у избушки присела и лакомилась на досуге – и вдруг распахнулась настежь дверь в избушке, и старая-престарая старуха вышла из нее, опираясь на костыль.

Гензель и Гретель так перепугались, что даже выронили свои лакомые куски из рук. А старуха только покачала головой и сказала: «Э-э, детушки, кто это вас сюда привел? Войдите-ка ко мне и останьтесь у меня, зла от меня никакого вам не будет».

*«Гензель и Гретель в лесу»
Художник – Герман Фогель. 1892 г.*

Она взяла деток за руку и ввела их в свою избушечку. Там на столе стояла уже обильная еда: молоко и сахарное печенье, яблоки и орехи. А затем деткам были посланы две чистенькие постельки, и Гензель с сестричкой, когда улеглись в них, подумали, что в самый рай попали.

Но старуха-то только прикинулась ласковой, а в сущности была она злою ведьмой, которая детей подстерегала и хлебную избушку свою для того только и построила, чтобы их приманивать.

Когда какой-нибудь ребенок попадался в ее лапы, она его убивала, варила его мясо и пожирала, и это было для нее праздником. Глаза у ведьм красные и недальнзоркие, но чутье у них такое же тонкое, как у зверей, и они издали чувствуют приближение человека. Когда Гензель и Гретель только еще подходили к ее избушке, она уже злобно посмеивалась и говорила насмешливо: «Эти уж попались – небось, не ускользнуть им от меня».

Рано утром, прежде чем дети проснулись, она уже поднялась, и когда увидела, как они сладко спят и как румянец играет на их полных щечках, она пробормотала про себя: «Лакомый это будет кусочек!»

Тогда взяла она Гензеля в свои жесткие руки и снесла его в маленькую клетку, и приперла в ней решетчатой дверкой: он мог там кричать сколько душе угодно, – никто бы его и не услышал. Потом пришла она к сестричке, растолкала ее и крикнула: «Ну, поднимайся, лентяйка, натаскай воды, свари своему брату чего-нибудь повкуснее: я его посадила в особую клетку и стану его откармливать. Когда он ожиреет, я его съем».

Гретель стала было горько плакать, но только слезы даром тратила – пришлось ей все то исполнить, чего от нее злая ведьма требовала.

Вот и стали бедному Гензелю варить самое вкусное кушанье, а сестричке его доставались одни только объедки.

Каждое утро пробиралась старуха к его клетке и кричала ему: «Гензель, протяни-ка мне палец, дай пощупаю, скоро ли ты откормишься?» А Гензель просовывал ей сквозь решетку косточку, и подслеповатая старуха не могла заметить его проделки и, принимая косточку за пальцы Гензеля, дивилась тому, что он совсем не жиреет.

Когда прошло недели четыре и Гензель все по-прежнему не жирел, тогда старуху одолело нетерпенье, и она не захотела дольше ждать. «Эй ты, Гретель, – крикнула она сестричке, – проворней нанося воды: завтра хочу я Гензеля заколоть и сварить – каков он там ни на есть, худой или жирный!»

Ах, как сокрушалась бедная сестричка, когда пришлось ей воду носить, и какие крупные слезы катились у ней по щекам! «Боже милостивый! – воскликнула она. – Помоги же ты нам! Ведь если бы дикие звери растерзали нас в лесу, так мы бы, по крайней мере, оба вместе умерли!» – «Перестань пустяки молоть! – крикнула на нее старуха. – Все равно ничто тебе не поможет!»

Рано утром Гретель уже должна была выйти из дома, повесить котелок с водою и развести под ним огонь.

«Сначала займемся печеньем, – сказала старуха, – я уж печь затопила и тесто вымесила».

И она толкнула бедную Гретель к печи, из которой пламя даже наружу выбивалось.

«Полезай туда, – сказала ведьма, – да посмотри, достаточно ли в ней жару и можно ли сажать в нее хлебы».

И когда Гретель наклонилась, чтобы заглянуть в печь, ведьма собиралась уже притворить печь заслонкой: «Пусть и она там испечется, тогда и ее тоже съем».

Однако же Гретель поняла, что у нее на уме, и сказала: «Да я и не знаю, как туда лезть, как попасть в нутро?» – «Дурища! – сказала старуха. – Да ведь устье-то у печки настолько широко, что я бы и сама туда влезть могла», – да, подойдя к печке, и сунула в нее голову.

Тогда Гретель сзади так толкнула ведьму, что та разом очутилась в печке, да и захлопнула за ведьмой печную заслонку и даже засовом задвинула.

Ух, как страшно взывала тогда ведьма! Но Гретель от печки отбежала, и злая ведьма должна была там сгореть.

А Гретель тем временем прямехонько бросилась к Гензелю, отперла клетку и крикнула ему: «Гензель! Мы с тобой спасены – ведьмы нет более на свете!»

Тогда Гензель выпорхнул из клетки, как птичка, когда ей отворят дверку.

О, как они обрадовались, как обнимались, как прыгали кругом, как целовались! И так как им уж некого было бояться, то они пошли в избу ведьмы, в которой по всем углам стояли ящики с жемчугом и драгоценными камнями. «Ну, эти камешки еще получше гольшей», – сказал Гензель и набил ими свои карманы, сколько влезло; а там и Гретель сказала: «Я тоже хочу немножечко этих камешков захватить домой», – и насыпала их полный фартучек.

«Ну, а теперь пора в путь-дорогу, – сказал Гензель, – чтобы выйти из этого заколдованного леса».

И пошли – и после двух часов пути пришли к большому озеру. «Нам тут не перейти, – сказал Гензель, – не вижу я ни жердинки, ни мосточка». – «И кораблика никакого нет, – сказала сестричка. – А зато вон там плавает белая утка. Коли я ее попрошу, она, конечно, поможет нам переправиться».

И крикнула утке:

Уточка, красавица!
Помоги нам переправиться;
Ни мосточка, ни жердинки,
Перевези же нас на спинке.

Уточка тотчас к ним подплыла, и Гензель сел к ней на спинку и стал звать сестру, чтобы та села с ним рядышком. «Нет, – отвечала Гретель, – уточке будет тяжело; она нас обоих перевезет поочередно».

Так и поступила добрая утка, и после того, как они благополучно переправились и некоторое время еще шли по лесу, лес стал им казаться все больше и больше знакомым, и наконец они увидели вдали дом отца своего.

Тогда они пустились бежать, добежали до дому, ворвались в него и бросились отцу на шею.

У бедняги не было ни часу радостного с тех пор, как он покинул детей своих в лесу; а мачеха тем временем умерла.

Гретель тотчас вытрясла весь свой фартучек – и жемчуг, и драгоценные камни так и рассыпались по всей комнате, да и Гензель тоже стал их пригоршнями выкидывать из своего кармана.

Тут уж о пропитании не надо было думать, и стали они жить-поживать да радоваться.

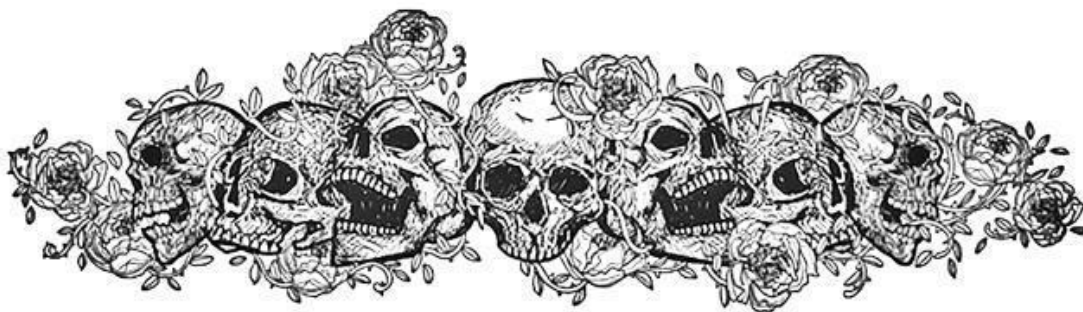
Моей сказочке конец.
По лесу бежит песок.
Кто поймать его сумеет,
Тот и шубу займет.

«Братец и сестрица»

Художники – Филипп Грот-Иоганн, Роберт Лайвебер. 1892 г.

Три змеиных листика

В некотором царстве жил да был такой бедняк, которому нечем было прокормить даже своего единственного сына.

Тогда сказал ему сын: «Милый батюшка, вам так плохо живется – я вижу, что я вам в тягость; лучше уж вы отпустите меня, и я пойду, попытаюсь сам заработать себе на хлеб». Тогда отец его благословил и с великою грустью простился с ним.

А как раз около этого времени один могущественный король вел войну с соседним государством; юноша поступил к нему на службу и отправился на войну.

И когда войска сошлись и произошло сражение, он подвергался большой опасности: кругом него так и сыпало свинцовым горохом, многие из его товарищей погибли.

А когда и главный военачальник был убит, то все уже собирались обратиться в бегство; но юноша выступил вперед, ободрил их своею речью и воскликнул: «Не дадим нашему отечеству погибнуть!»

Тогда последовали за ним и все другие, он двинулся вперед и побил врага.

Король, узнав, что он ему обязан победою, возвысил его над всеми, наградил большими богатствами, и стал он в королевстве первым сановником.

У короля была дочка, очень красивая, но и причудница большая. Она дала обет, что выберет себе в супруги и повелители только того, кто обещает ей вместе с нею живым лечь в могилу, если она умрет прежде своего мужа. «Коли он меня точно любит, – говорила она, – так на что ему и жить после моей смерти?»

Зато и она изъявляла готовность поступить точно так же в случае смерти мужа и говорила, что она вместе с ним сойдет в могилу.

Этот странный обет отпугивал от королевны всех ее женихов; но юноша был так увлечен ее красотой, что он ни на что не посмотрел и стал у короля сватать его дочку. «Да знаешь ли ты, – спросил король, – какой обет ты должен дать?» – «Я должен с нею вместе лечь в могилу, – сказал юноша, – если я ее переживу; но любовь моя к ней так велика, что я этой опасностью пренебрегаю».

Тогда король дал свое согласие, и свадьба была сыграна с большою пышностью.

Пожил юноша с женою некоторое время в любви и согласии, и затем случилось так, что юная королевна заболела каким-то очень тяжким недугом, и никакой врач не мог ее вылечить.

Когда же она умерла, юноша вспомнил о своем обещании, и ему страшно стало при мысли, что вот придется живому лечь с женой в могилу; но это было неизбежно: король поставил стражу у всех ворот, и он должен был покориться своей судьбе.

Когда настал день похорон и тело королевы было опущено в королевский склеп, ее супруга свели туда же и вход в склеп задвинули и заперли на замок.

Рядом с гробом поставили стол, на нем четыре свечи, четыре каравай хлеба и четыре бутылки вина. Когда этот запас истощится, юноша должен будет проститься с жизнью.

Вот и сидел он там, скорбный и печальный, съедал каждый день только по кусочку хлеба, выпивал только по глоточку вина и все же видел, как смерть, что ни день, к нему приближалась и приближалась.

И вот, находясь в плену этих скорбных размышлений о предстоявшей ему участи, юноша вдруг увидел змею, которая выползла из угла склепа и приблизилась к покойнице. Юноша подумал, что змея приползла глотать труп его жены, а потому выхватил свой меч и, сказав: «Пока я жив, ты не прикоснешься к ней!» – разрубил змею на три куска.

Немного спустя выползла и другая змея из угла подземелья; но, увидев, что первая змея лежит изрубленная на куски, тотчас уползла в свою нору и вернулась, держа во рту три зеленых листка. Затем она составила три куска змеи, как им следовало быть, и на каждый разруб приложила по листочку. И тотчас же разрубленные части срослись, змея зашевелилась и ожила, и обе поспешно уползли в свою нору.

Листочки остались на полу, и несчастному юноше, который все это видел, пришло в голову, что, может быть, чудодейственная сила листьев, оживившая змею, может точно так же воздействовать и на человека.

Вот он и поднял листья, и один из них приложил к устам покойницы, а два других – к ее очам. И чуть только приложил, кровь стала снова обращаться в ее жилах, и румянец вновь заиграл на побледневших щеках.

Она вздохнула глубоко, открыла глаза и сказала: «Ах, Боже мой! Где это я?» – «Ты у меня в объятьях, милая жenuшка!» – отвечал ей юноша и рассказал ей, как все произошло и как он ее снова пробудил к жизни.

Потом он дал ей немного вина и хлеба, и когда она опять почувствовала себя окрепшею, то поднялась из гроба, и они вместе пошли к двери склепа и стали стучать и кричать настолько громко, что стража услышала наверху и доложила королю.

Король сам спустился в подземелье и отворил дверь его, и, увидав дочь и зятя живыми и здоровыми, от души порадовался тому, что они избавились от великого бедствия.

А юноша захватил с собою из склепа три змеиных листка, отдал их своему слуге и сказал: «Спрячь их побережнее и во всякое время носи при себе: кто знает, может быть, они нам еще и в другой раз пригодятся».

А надо сказать, что в королевне, которую юный супруг вновь пробудил к жизни, вдруг произошла резкая перемена: казалось, что в сердце ее иссякла разом всякая любовь к мужу.

Когда он спустя некоторое время задумал навестить своего старика-отца и вместе с женою сел на корабль, чтобы ехать за море, королева, позабыв всю его любовь и преданность и то, что он ее спас от смерти, стала выказывать явную склонность к корабельщику.

И вот однажды, когда юный супруг ее уснул, она этого корабельщика призвала, и они вдвоем, ухватив спящего юношу за голову и за ноги, выкинули за борт корабля в море. Когда это злодейство совершилось, она сказала корабельщику: «Вернемся обратно и скажем отцу, что муж в дороге умер. А тебя я уж так перед отцом распишу и выхваляю, что он меня выдаст за тебя замуж и тебе передаст со временем свой королевский венец».

Однако же верный слуга, который все видел, незаметно успел отцепить маленькую лодку от корабля, спустился в нее, поплыл вслед за своим господином и дал предателям удалиться. Он вытащил своего господина из воды уже мертвым, но при помощи трех змеиных листочков, которые он всегда носил при себе, благополучно оживил его.

Они оба стали грести изо всех сил, гребли день и ночь, и их лодочка мчалась так быстро по морю, что они ранее большого корабля прибыли к старому королю.

Тот был очень удивлен, что они возвращаются одни, и спросил, что с ними случилось в пути? Когда он услышал о злодеянии своей дочери, то сказал: «Не смею верить тому, чтобы она могла так дурно поступить; а впрочем, правда скоро сама выяснится».

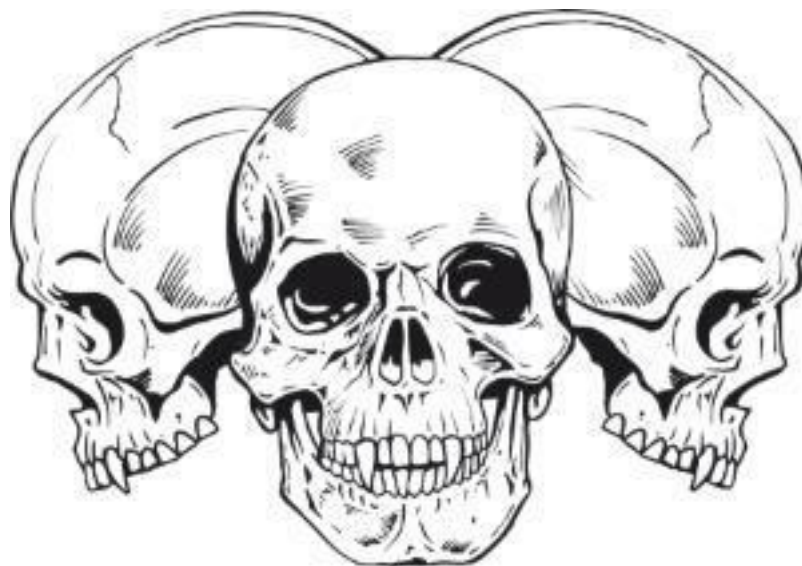
И приказал зятю и слуге его удалиться в потайную комнату и в ней укрыться на время от всех.

Вскоре после того прибыл и большой корабль, и дочь-злодейка явилась к отцу с опечаленным лицом. Он спросил ее: «Почему ты возвращаешься одна? Где же твой муж?» – «Ах, батюшка, – отвечала она, – я возвращаюсь домой в великой скорби: муж мой во время плаванья вдруг заболел и умер, и если бы добрый корабельщик не оказал мне всякой помощи, то и мне тоже, вероятно, несдобровать бы; он присутствовал при кончине моего мужа и может все вам рассказать в подробности».

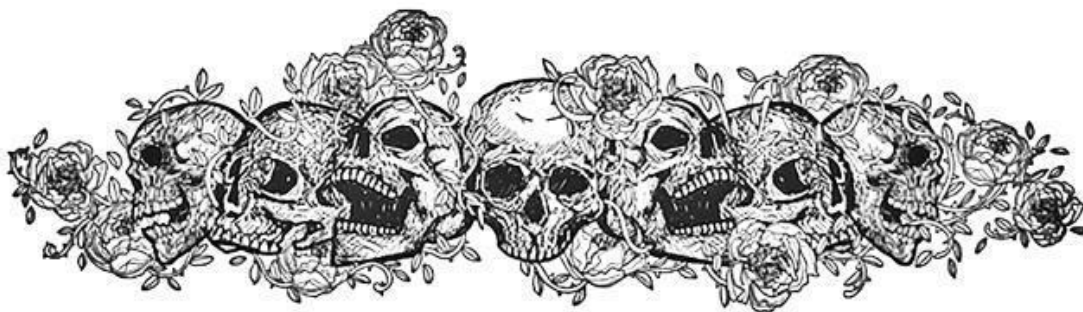
Тогда король сказал: «Я воскрешу покойного твоего мужа», – и вдруг отпер потайную комнату и вызвал оттуда своего зятя и его верного слугу.

Увидев своего мужа, королева, как громом пораженная, пала на колени и молила о пощаде. Но король сказал: «Нет тебе пощады! Он был готов с тобою вместе умереть и тебя пробудил к жизни, а ты умертвила его во время сна и потому должна понести заслуженную кару!»

И вот она была вместе со своим пособником посажена в дырявый корабль и вывезена в открытое море, где вскоре волны поглотили сообщников.

О рыбаке и его жене

Рыбак с женою жили в дрянной лачужке у самого моря. Рыбак ходил каждый день на море и удил рыбу. Так и сидел он однажды за ужением и все смотрел на блестящие волны – сидел да посиживал.

Вдруг удочка его погрузилась на дно глубоко-глубоко, и когда он ее стал вытаскивать, то выволок вместе с ней и большую камбалу.

И сказала ему рыба: «Слышь-ка, рыбак, прошу тебя, отпусти меня на волю: я не настоящая камбала, я – замороженный принц. Ну, что тебе в том, что ты меня съешь? Я тебе не по вкусу придется; лучше брось меня опять в воду, отпусти меня на простор». – «Ну, – сказал рыбак, – напрасно ты и столько слов потратила; я бы и без того, конечно, отпустил на свободу такую рыбку, которая по-нашему говорить может». И с этими словами он отпустил рыбку в воду, и пошла камбала на дно, оставляя следом по себе в воде кровавую струйку. Посмотрел рыбак, да и поплелся к жене в свою лачужку.

«Что же, муженек, – сказала жена, – или ты сегодня ничего не поймал?» – «Нет, – сказал рыбак, – я сегодня изловил камбалу, и она мне сказала, что она не камбала, а замороженный принц; ну, я и отпустил ее опять в море». – «Так разве же ты себе у нее ничего не выпросил?» – сказала жена. «Нет, да и чего же мне у нее просить?» – «Ах, – сказала жена, – да ведь нам же так скверно живется в этой лачужке, и вони, и грязи у нас вдоволь; выпросил бы нам у нее избушку получше. Ступай-ка да вызови ее из моря: скажи ей, что нам нужна изба понаряднее, и она, наверно, даст нам ее». – «Ах, – сказал рыбак, – ну что я там еще пойду шляться!» – «Да ведь ты же ее изловил и опять на волю выпустил – она для тебя, наверно, все сделает».

Не хотелось рыбаку идти, но не хотелось и жене перечить – и поплелся он к морю.

Когда пришел он на море, море потемнело, и волны уже не так блестели, как утром. Подошел он и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

Приплыла к нему камбала и сказала: «Ну, что ж тебе надобно?» – «Да вот, – сказал рыбак, – я-то тебя сегодня изловил, так жена-то моя говорит, будто я должен у тебя что-нибудь себе выпросить. Не хочет, вишь, она больше жить в лачужке, в избу хочет на житье перейти». – «Ну, ступай, – сказала камбала, – все тебе будет».

Пошел рыбак домой и видит – жена-то его уж не в лачужке, а на месте лачужки стоит нарядная изба, и его жена сидит перед избою на скамье.

И взяла его жена за руку, и сказала ему: «Войди-ка сюда да посмотри – теперь нам жить-то будет гораздо лучше».

И вошли они в избу: в избе просторные сени и большая комната, и покойчик, в котором их кровать стоит, и чулан с кладовою, и везде-то полки, и на полках-то всякого добра наставлено, и оловянной, и медной посуды – все необходимое. А позади дома небольшой дворик с курами и утками и маленький садик с зеленью и овощами. «Посмотри-ка, – сказала жена, – разве это не хорошо?» – «Да, – сказал рыбак, – мы теперь заживем припеваючи». – «А вот посмотрим», – сказала жена. После этого они поужинали и пошли спать.

Так прошло недели с две, и сказала жена: «Слышь-ка, муженек, изба-то нам уж очень тесна, а двор и сад слишком малы; твоя камбала могла бы нам и побольше дом подарить. Я бы хотела жить в большом каменном замке; ступай-ка к камбале, проси, чтобы подарила нам каменный замок». – «Ах, жена, жена! – сказал рыбак. – Нам и в избе хорошо. Ну, как мы будем жить в замке?» – «Ах, что ты понимаешь? Ступай к камбале: она все это может сделать». – «Нет, жена! – сказал рыбак. – Камбала только что дала нам избу; не могу я к ней сейчас же опять идти: ведь она, пожалуй, может и разгневаться». – «Да ступай же! – сказала жена. – Она все это может сделать и сделает охотно. Ступай!»

У рыбака куда как тяжело было на сердце, он и идти не хотел; он сказал самому себе: «Этак делать не следует!» – и под конец все же пошел.

Когда он пришел к морю, море изрядно потемнело, стало иссиня-серым и не было уже таким светлым и зеленоватым, как прежде, однако же еще не волновалось. Тогда он подошел и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего еще она хочет?» – спросила камбала. «Да вот, – сказал рыбак не без смущения, – она хочет жить в большом каменном замке». – «Ступай к ней, вон она стоит перед дверьми», – сказала камбала. Повернул рыбак к дому, стал подходить – и видит перед собою большой каменный дворец, а жена его стоит на крыльце и собирается войти во дворец; и взяла его за руку и сказала: «Войдем со мною вместе».

Вошли и видят, что полы все в замке выстланы мраморными плитами и везде множество слуг, которые отворяли перед ними двери настежь; и стены-то все блестели, обитые прекрасными обоями, а в покоях везде и стулья, и столы золоченые, и хрустальные люстры спускаются с потолка, и всюду ковры разостланы; всюду столы ломятся от яств и самых лучших вин. А позади замка большой двор с конюшнею и коровником; и экипажи в сараях стоят самые лучшие. Был там сверх того большой и прекрасный сад с красивейшими цветами и плодовыми деревьями, и парк тянулся, по крайней мере, на полмили от замка, полный оленей, диких коз и зайцев, и всего, чего душа пожелает.

«Ну-ка, – сказала довольная жена, – разве все это не прекрасно?» – «О да! – сказал рыбак. – На этом мы и остановимся, и станем жить в этом чудесном замке; теперь у нас всего вдоволь». – «А вот посмотрим да подумаем», – сказала жена. С этим они и спать легли.

На другое утро жена проснулась первая, когда уж совсем рассвело, и из своей постели стала осматривать благодатную страну, которая простиралась кругом замка.

Муж все еще спал и не шевелился, и она, толкнув его локтем в бок, сказала: «Муженек, вставай да глянь-ка в окошко. Надумалось мне – отчего бы нам не быть королем да короле-

вой над всею этою странюю? Сходи ты к рыбине, скажи, что хотим быть королями». – «Ах, матушка, – сказал рыбак, – ну, как это мы будем король да королева? Я никак не могу королем быть!» – «Ну, коли ты не можешь быть королем, так я могу быть королевой. Ступай к рыбине, скажи, что хочу быть королевой». – «Ах, жена! Ну, где ж тебе быть королевой? Я этого ей и сказать не посмею!» – «А почему бы не сказать? – крикнула жена. – Сейчас же ступай – я должна быть королевой!»

Пошел рыбак от жены и был очень смущен тем, что его жена задумала попасть в королевы. «Не следовало бы так-то, не следовало бы!» – думал он про себя. И не хотел идти к морю, однако пошел-таки. И когда пришел к морю, море было свинцово-серое и волновалось, и воды его были мутны. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего там еще хотите?» – спросила камбала. «Ах, – сказал рыбак, – да ведь жена-то хочет королевой быть!» – «Ступай домой, будет по воле ее», – сказала камбала.

Пошел рыбак домой – и видит, что замок разросся и стал гораздо обширнее, и ворота у замка большие, красивые; а у входных дверей стоит стража, и везде кругом много солдат с барабанами и трубами. Вошел во дворец, видит – везде мрамор да позолота, и бархат, и большие сундуки с золотом. Открылись перед ним настезь и двери залы, где весь двор был в сборе, и увидел он жену свою на высоком золотом троне с алмазами, в большой золотой короне, а в руках у нее скипетр из чистого золота с драгоценными камнями, а по обе стороны ее по шести девиц в ряд, одна другой красивее.

Стал он перед женою и сказал: «Ну вот, женушка, ты теперь и королевой стала!» – «Да, – сказала она, – я теперь королева!»

Постоял он против нее, помялся, поглазел на нее и сказал: «А что, женушка, небось хорошо в королевах-то быть? Чай, теперь уж ничего не пожелаешь!» – «Нет, муженек, – сказала жена с тревогою, – соскучилась я быть королевой и не хочу больше. Поди, скажи рыбине, что я вот теперь королева, а хочу быть кайзером». – «Ах, женушка! Ну, на что тебе быть кайзером!» – «Муж! Ступай к рыбине: хочу быть кайзером!» – «Ах, да нет же! – отвечал рыбак. – Кайзером она не может тебя сделать, и я ей об этом и слова замолвить не посмею; ведь королей-то много, а кайзер-то один! Наверно знаю, что не может она тебя кайзером сделать – и не может, и не может!» – «Что такое? Я королева, а ты мой муж – и смеешь мне перечить? Сейчас пошел туда! Могла меня рыбина королевой сделать, сможет сделать и кайзером! Слышишь, хочу быть кайзером! Сейчас пошел к рыбине!»

Вот и должен он был пойти. И, идучи к морю, он крепко тревожился и все думал про себя: «К плохому дело идет! Кайзером быть захотела – уж это совсем бессовестно! Надоест она своей дурью рыбинке!»

В этих думах подошел он к морю; а море-то совсем почернело и вздулось, и ходили по нему пенистые волны, и ветер свистал так, что рыбаку было страшно. Стал он на берегу и сказал:

Рыба, рыбка, рыбинка,
Ты, морская камбала!
С просьбою к тебе жена
Против воли шлет меня!

«Ну, чего она еще хочет?» – сказала камбала. «Ах, камбала-матушка! Жена-то теперь кайзером быть хочет!» – «Ступай к ней, – сказала рыбка, – будет по ее воле».

Пошел рыбак домой – и видит перед собой громадный замок, весь из полированного мрамора, с алебастровыми статуями и золочеными украшениями. Перед входом в замок маршируют солдаты, в трубы трубят и бьют в барабаны; а внутри замка бароны и графы, и герцоги расхаживают вместо прислуги: они перед ним и двери отперли (и двери-то из чистого золота!). И когда он вошел в залу, то увидел жену свою на троне высоком-превысоком, из литого золота; на голове у нее золотая корона в три локтя вышиной, вся усыпанная бриллиантами и яхонтами; в одной руке у нее скипетр, а в другой – держава; и по обе стороны трона стоят в два ряда стражники, один красивее другого, и выстроены по росту – от самого громадного верзилы до самого маленького карлика, с мизинчик.

А перед тронном стоят князья и герцоги.

Стал перед женой муж и сказал: «Ну, женушка, ты теперь кайзер?» – «Да, я теперь кайзер!» Посмотрел он на нее, полюбовался и сказал: «Небось, женушка, хорошо быть кайзером?» – «Ну, чего ты там стал? – сказала жена. – Я теперь кайзер, а хочу быть папой. Ступай, проси рыбину». – «Ах, женушка! Чего ты еще захотела? Папой ты быть не можешь: папа один на весь крещеный мир! Этого и рыбинка не может сделать». – «Муж! – сказала она. – Я хочу быть папой! Сейчас ступай к морю! Сегодня же хочу быть папой!» – «Нет, женушка, этого не смею я сказать рыбине! Это и нехорошо, да и слишком уж дерзко: папой не может тебя камбала сделать!» – «Коли могла кайзером сделать, сможет и папой!» – сказала жена. – Сейчас пошел к морю! Я кайзер, а ты – мой муж! Пойдешь или нет?» Перепугался он и пошел, и совсем упал духом; дрожал, как в лихорадке, и колени у него сами подгибались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.